КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть II

КРЕСТНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович
В22
Масонский заговор : часть вторая. Крестник Петра Великого. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 88 с. *(Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»).*

ISBN 978-5-4386-1371-8

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

Слово историку Сергею Соловьеву: «***Дело состояло в следующем: камер-лакей Александр Турчанинов, Преображенского полка прапорщик Петр Ивашкин, Измайловского полка сержант Иван Сновидов составляли заговор с целью захватить и умертвить Елизавету и племянника ее, герцога Голштинского, и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича; они говорили, что Елизавета и сестра ее Анна прижиты вне брака и потому незаконные дочери Петра Великого. Дело тянулось до декабря, когда виновных высекли кнутом и сослали в Сибирь, у Турчанинова вырезавши язык и ноздри, а у двоих товарищей его только ноздри».***

Информации, как видим, очень мало, и из нее трудно что-либо понять.

Следующий источник называется «Из дела о камер-лакее Турчанинове и других лицах, сужденных за намерение лишить престола императрицу Елизавету. 1742 года».

«Камер-лакей Александр Турчанинов, лейб-гвардии полков: Преображенского прапорщик Петр Квашнин, Измайловского сержант Иван Сновидов за нижеследующие вины, а именно: Квашнин во время восшествия императрицы Елисаветы Петровны на всероссийский престол помянутому Турчанинову, будучи во дворце, говорил: "Эдак вы, братцы, сыграли игрушку". А как Турчанинов сказал: что-де делать, коли сделалось, чем пособить, то Квашнин говорил: надобно-де смотреть того, как бы этому пособить. Квашнин после того в разные времена говорил, что он начал собирать партию и собрал уже пятьсот человек, и с тем Турчаниновым придумал, чтобы тех собранных разделить надвое и ночным временем прийти к дворцу и, захватя караул, войти в покой к ее императорскому величеству, и его императорское высочество умертвить, а другою половиною Турчанинову заарестовать лейб-компанию, а кто из них будет противиться, колоть до смерти, и назначил к тому день и где собираться, и о том хотел того Турчанинова

уведомить. А по прошествии того дня тому Турчанинову он, Квашнин, говорил: с собранною-де партиею он было шел ко дворцу, и навстречу-де попался им вице-сержант Ивинский, и они-де, увидя его, разошлись. По приезде же в Москву он, Квашнин, с тем Турчаниновым о том же злом своем намерении упоминали, и при том он говорил, что-де прошло, тому быть так, а и впредь-де то дело не уйдет, и нами ль или не нами, только-де оное исполнится. А Турчанинов, слыша от Квашнина, на то злое намерение не токмо нигде не доносил, но и тому злому намерению с тем Квашниным имел совет, чтобы оное прямым делом исполнить, хотя б и кроме Квашнина с другими с кем, с чего он, Турчанинов, лейб-гвардии каптенармусу Парскому (который о том злом умысле доносил) говорил такие речи: принц-де Иоанн был настоящий наследник, а государыня-де императрица Елисавета Петровна — не наследница, а сделали-де ее наследницею лейб-компания за винную чарку, и чтоб тот Парский собрал партию человек в триста или и больше, и с тою бы партиею идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а Принца Иоанна возвратить и взвести на престол по-прежнему.

Оный же Турчанинов тому Парскому и капралу Изъединову (кои о том были доносители) говорил: смотрите-де, братцы, как у нас в России благополучие состоит непостоянное и весьма плохое и непорядочное, а не так, как при третьем Иоанне было, и оный-де Иоанн — законный наследник и по наследству царя Иоанна Алексеевича, также первого императора, подлежит быть ему императором, и его-де назначила короноваться императрица Анна Иоанновна еще при животе своем; а лейб-компания сделала императрицею незаконно наследницею, что-де как царевну Анна Петровна, так и государыня императрица Елисавета Петровна первым императором прижиты

с государынею императрицею Екатериною Алексеевною до венца, и для того-де никак не подлежит быть у нас ей императрицею, а надлежит-де быть третьему императору Иоанну, да и императрице-де Екатерине Алексеевне быть на царстве не подлежало же, надлежало быть в То время второму императору, и то-де сделал генерал Ушаков.

Он же, Турчанинов, вымышленно от себя произносил: напечатан-де манифест: что швед возымел войну якобы за то, что принц Иоанн царствовать стал, незаконный наследник, а наследница-де государыня императрица Елисавета Петровна, и то-де оный манифест напечатал французский посол воровски, о чем-де знают и наши министры, и о том-де она, государыня, с тем послом вздумала ездить по Петербургу в одной коляске и лежа на подушках.

Оный же Турчанинов, тех Парского и Изъединова увещевая, говорил, чтоб собрать партию и, разделя на три части, идти к государыне в спальню, и как те Парский и Изъединов спросили: в то-де время государыню императрицу куда девать? То он, Турчанинов, сказал: туда-де ее и его высочество, где он их увидит, заколет, что и исполнить желал он для того, чтоб быть принцу Иоанну императором, а принцессе Анне — правительницею.

Сержант Сновидов вышеозначенному злому умыслу явился сообщником и в разговорах о принцессе Анне, и о муже ее, и о сыне их принце Иоанне помянутому Турчанинову говорил сожалительные слова, а как Турчанинов к тем словам говорил такие слова, что принц Иоанн был настоящий наследник, а государыня императрица Елисавета Петровна не наследница, и чтоб он, Сновидов, собрал партию из гренадеров и солдат, и с тою бы партиею государыню свергнули с престола, то он, Сновидов, говорил, что он для такого дела друзей искать себе будет и кого сыщет, о том ему, Турчанинову, скажет, и после сказывал, что у него партии прибрано человек с шестьдесят.

Он же, Сновидов, многие склонные к тому злому намерению слова употреблял, и тем Турчанинова к тому злому умыслу поощрял и к доносу о том намерения не имел.

С учинением наказания кнутом и с вырезанием у Турчанинова языка и ноздрей сосланы в Сибирь в дальние города; Квашнин — в Вышерецкий острог, Сновидов — в Камчатку и Турчанинов — в Охотский острог».

Авторы книги «Повседневная жизнь Тайной канцелярии» Игорь Курукин и Елена Никулина пытаются найти в этом заговоре некую закономерность:

«…Дела Тайной канцелярии времен Елизаветы показывают, что совершенный гренадерами-преображенцами переворот одобряли не все. "Честь себе заслужили тем, что пришед в ношное время во дворец и напали на сонных с ее императорским величеством", — осуждал их семеновец Алексей Павлов; его сослуживец Максим Судаков называл героев переворота "бунтовщиками и стрельцами". Поручик Копорского полка Яков Панцирев в "вольном дому" в Ораниенбауме плюнул на манифест о восшествии на престол императрицы и объявил ее сторонников изменниками.

Кроме того, события 1741 года открыли одну закономерность российского "переворотства": легкость и безнаказанность захвата власти породили в гвардейско-придворной среде настроения "переиграть" ситуацию: "в случае" оказывались немногие, а обиженных при дележе наград и чинов всегда хватало.

Уже в январе 1742 года Финч отметил ропот в гвардии. Летом этого года преображенский прапорщик Петр Квашнин, камер-лакей Александр Турчанинов и измайловский сержант Иван Сновидов считали возможным собрать "партию человек в триста или и больше, и с тою бы партиею идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возвратить". На вопрос, что делать с императрицей, Турчанинов ответил: "Где он их

увидит — заколет". Известное "дело Лопухиных" выявило подобные настроения и в придворных кругах: подполковник Иван Лопухин летом 1743 года заявлял о скорых "переменах" в правительстве и воцарении опять же "принца Иоанна", при этом перечислял многих недовольных происшедшим переворотом офицеров».

Вот еще одно мнение:

«Из дела камер-лакея Александра Турчанинова и его сообщников — прапорщика-преображенца Петра Квашнина и сержанта-измайловца Ивана Сновидова, арестованных в 1742 году, видно, что, действительно, налицо были преступные "скоп и заговор" с целью свержения и убийства императрицы Елизаветы. Сообщники обсуждали, как "собрать партию", причем Квашнин говорил Турчанинову, что он уже подговорил группу гвардейцев. Сновидов же "сказывал, что у него партии прибрано человек с шестьдесят". Был у них и конкретный план действий: "Собранных разделить надвое и ночным временем придти к дворцу и, захватя караул, войти в покои Ея и. в. и Его императорского высочества *(Петра Федоровича. — Е. А.)* ***умертвить, а другою половиною… заарестовать лейб-компанию, а кто из них будет противиться, — колоть до смерти". Ясно была выражена и конечная цель переворота: "Принца Ивана*** *(свергнутого императора Ивана Антоновича. — Е. А.)* ***возвратить и взвести на престол по-прежнему".***

Считать эти разговоры обычной пьяной болтовней нельзя — среди десяти тысяч гвардейцев было немало недовольных как свержением 25 ноября 1741 года императора Ивана Антоновича и приходом к власти Елизаветы, так и тем, что лейб-компанцы — три сотни гвардейцев, совершивших этот переворот, получили за свой нетрудный "подвиг" невиданные привилегии. Турчанинов, служа лакеем во дворце, знал все входы и выходы из него и мог стать проводником к опочивальне императрицы. А это

было весьма важно — ведь известно, что в ночь на 9 ноября 1740 года подполковник К. Г. Манштейн, вошедший по приказу Б. Х. Миниха с солдатами во дворец, чтобы арестовать регента Бирона, едва не провалил все дело: в поисках опочивальни регента он заблудился в темных дворцовых переходах. Раскрыть заговор Турчанинова позволила только случайность» *(Анисимов Е. В. Русская пытка. Политический сыск в России. Санкт-Петербург, 2004)***.**

ИВАШКИН ЛИБО КВАШНИН

На Камчатке (в том числе и в источниках, связанных с историей Сибири XVIII века) Квашнин известен как Иван Матвеевич Ивашкин, а вот в материалах Тайной канцелярии, которыми оперируют исследователи, пишущие о следственных делах, а самое главное — в правительственном указе — его называют Квашниным.

Кстати, и он сам, когда его привлекли в качестве переводчика для встречи с экипажем экспедиции Джеймса Кука, назвался Квашниным. Историки и краеведы полагали, что он назвался так, чтобы скрыть от иностранцев свое истинное имя, но получается, что было ровным счетом наоборот: он таким образом это — свое истинное — имя им открывал…

И тогда, наконец-то, становятся объяснимыми те характеристики, которые давал этому камчатскому ссыльному декабрист Владимир Иванович Штейнгейль, детство и юность которого прошли на Камчатке, и он из первых уст слышал то, что впоследствии рассказал нам: «В Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеевича; это Ивашкин, крестник Петра Великого. Офицер гвардии Анны Иоанновны, которого она благословляла на брак и которого потом, при восшествии на престол Елизаветы, высекли кнутом с ужасным вырезанием ноздрей. Лет 20 он прожил в Якутске и 40 в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным мучеником. Грешно было бы пройти молчанием анекдот, им рассказанный. Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с удивительною точностию, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностию сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию

Лукичу Долгорукову, взяла его за нос, — «нос был большой, батюшка» — пояснил старец — и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обведя кругом и остановясь против портрета Грозного, она спросила:

— Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

— Знаю, матушка государыня!

— Чей он?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, так знай же и то, что, хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков сбиралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!

Старец знал и последствия.

Этого Матвеевича в следующем году предписано мне было взять и доставить в Охотск. Он был прощен с возвращением чина и с дозволением выехать в Россию. Но ему было уже 96 лет, он ослеп и не захотел расстаться с Камчаткою; через год еще его уже не существовало».

То есть Петр Матвеевич Ивашкин-Квашнин родился примерно в 1707 году. Чтобы стать крестником императора Петра Первого, его родители должны были находиться в самом близком к императору кругу вельмож. Этот круг в значительной степени был очерчен теми лицами царского окружения, которые подписали смертный приговор царевичу Алексею Петровичу. Как известно, их было 128 человек.

Не подписал его лишь один из судей — фельдмаршал Б. П. Шереметев, якобы заявивший царю: «Служить своим государям, а не судить его кровь, моя есть должность». На самом деле, сказавшись смертельно больным, Шереметев не приехал из Москвы. Все остальные приговор подписали безоговорочно.

В том числе и лейб-гвардии прапорщик Дорофей Ивашкин — но где-то в самом конце длинного списка.

Но род Ивашкиных, если Петр Матвеевич действительно из этого рода, вовсе даже не был из захудалых.

Описание герба Ивашкиных

В щите, разделённом перпендикулярно на две части, от нижних углов к середине означено чёрное стропило с двумя на нём серебряными стрелами остриями вверх. Над стропилом в правом голубом поле видна выходящая из облака рука в серебряных латах с саблей; в левом серебряном поле крестообразно положены шпага и копьё, остриями в правую сторону. На середине щита и внизу по сторонам стропила изображены три шестиугольных звезды переменных с полями цветов. Под стропилом в золотом поле идущий по земле направо лев.

Щит увенчан дворянским шлемом и короной со страусовыми перьями. Намёт на щите голубой, подложенный золотом. Щит держат два льва. Герб внесён в Общий гербовник дворянских родов Российской империи, часть 6, 1-е отд., стр. 12.

Патриархом его считают Семена Федоровича Ковылу-Вислова, выехавшего (по сказаниям древних родословцев) из Литвы к великому князю Василию I Дмитриевичу

в Москву. Но дальнейшую службу он нес при великом князе Рязанском — Олеге. Его сын Семен Семенович был боярином великого князя Василия Васильевича, а правнуки — Иван, Юрий и Сидор Яковлевичи были боярами рязанского великого князя Ивана Федоровича.

От Ивана Яковлевича и пошел род Ивашкиных. В XVI и XVII веках многие Ивашкины служили полковыми и городовыми воеводами, стряпчими и стольниками. В Смутное время Максим Денисович Ивашкин служил воеводой в Крапивне и замучен там знаменитым атаманом Заруцким.

Но в круг именитых лиц, хотя бы чуть-чуть приближенных к особам Их Высочеств, вошел только лишь (и отнюдь не на первых ролях) прапорщик лейб-гвардии Дорофей Ивашкин и — через столетие! — обер-полицмейстер Москвы Петр Ивашкин, который принял столицу после французов.

Сведений о Петре Алексеевиче Ивашкине немного: годы жизни 07.05.1762–31.10.1823, генерал-майор (1809). Первый офицерский чин получил в 1795. Будучи полковником л. — гв. Измайловского полка, исполнял должность полицмейстера в Москве. 17.4.1809 назначен московским обер-полицмейстером.

12.12.1809 произведён в генерал-майоры. В 1812 занимался эвакуацией жителей и государственных учреждений из Москвы при приближении неприятеля, а после освобождения города руководил борьбой с мародёрами. 1.6.1813 награждён орденом Св. Владимира 2-й ст. «за оказанную бдительность в сохранении тишины и спокойствия между обывателями Московской столицы во время бытности неприятеля вблизи оной и за деятельность в поспешном восстановлении возможного порядка и устройства в сем городе по изгнании из оного неприятеля». 8.3.1816 из-за болезни снят с должности обер-полицмейстера, а 14 марта определён состоять по армии. Похоронен в Даниловом монастыре в Москве.

Награждён также орденами Св. Анны 1-й ст. с алмазами, Св. Георгия 4-го кл., Св. Иоанна Иерусалимского.

И с этим Ивашкиным также пришлось видеться Владимиру Ивановичу Штейнгейлю, который под руководством главнокомандующего Москвы графа Александра Петровича Тормасова занимался восстановлением сожженной французами столицы. В «Записках» Владимира Штейнгейля о полицмейстере Ивашкине всего одна строка: «Распущенность московской полиции заставила графа Тормасова переменить обер-полицмейстера Ивашкина».

Кстати, полицмейстером Москвы в период ее французской оккупации якобы был небезызвестный для камчатской истории сын бывшего французского посланника в России Лессепс, участник кругосветного плавания Лаперуза, возвращающийся по приказу своего капитана на родину через Россию, начиная с Петропавловского порта и проезжая всю остальную Камчатку, где он также мог, при желании, иметь встречу, как и англичане, со ссыльным переводчиком Кваш-ниным. Но такой встречи не случилось…

И, кстати, еще одна историческая подробность, связанная с организацией порядка в Москве: **с 12 мая 1854 года по 12 января 1858 года должность обер-полицмейстера города исполнял Александр Александрович (Абрамович) Тимашев-Беринг (Беринг, Тимаш-Беринг) (1812–1872)**.

Родился в городе Задонске. Потомок мореплавателя Витуса Беринга. Из дворян Калужской губернии. Получил домашнее образование. Юнкер (1830), корнет (1831) лейб-гвардии Кирасирского полка (до 1839). Участник подавления польского восстания 1830–1831 годов (сражения под Сиядовым, при Рудках, Желтках, штурм Варшавы). Адъютант командира 6-го пехотного корпуса в чине ротмистра с переводом в Оренбургский уланский полк (1839), адъютант командира Отдельного кавказского корпуса (1839–1844), офицер резервного армейского 25-го эскадрона

(1844–1845). Московский следственный пристав, московский полицмейстер (1845), офицер для особых поручений при московском генерал-губернаторе (1849), член Московского попечительского о тюрьмах комитета (1851), московский вице-губернатор (1851–1854). Подполковник (1846), полковник (1847), генерал-майор (1855). Действительный статский советник (1851).

В отставке по болезни (1857). Зачислен в штат Министерства внутренних дел по армейской кавалерии (1866), председатель Комиссии по устройству тюремной части в Москве (1870). В отставке (1872).

Но был, оказывается, еще один из Ивашкиных, которому было уделено императорское внимание: в именном Его Величества в Бозе почивающаго Императора Александра II Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 9 августа 1878 года, изображено: «Снисходя на всеподданнейшее ходатайство нашего генерал-адъютанта, генерала от кавалерий Александра Потапова и во уважение особых его заслуг, Всемилостивейше соизволяем, не в пример другим и в изъятие из действующих узаконений, на усыновление им, Потаповым, нашего флигель-адъютанта полковника лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Модеста Ивашкина, с предоставлением сему последнему именоваться по фамилии «Ивашкиным-Потаповым», пользоваться гербом Потапова и вступить, по смерти его, с правами, законным детям принадлежащими, в наследование всем его благоприобретенным имуществом».

Но Ивашкины — только одна из ветвей некогда могучего боярского древа потомков Семена Федоровича Ковыла-Вислова. Может, нам больше повезет в поиске приближенных к императорским особам по другой линии потомков Ивана Яковлевича — родоначальника Ивашкиных.

Так, например, правнук Ивана Яковлевича, Федор Иванович по прозвищу Сунбул был родоначальник Сунбуловых — рязанских бояр.

Федор Михайлович и его брат Семен Михайлович Сунбуловы служили в опричнине Ивана Грозного (сторожа в Постельничьем приказе), 2 августа 1575 года казнены, вероятно, по решению Земского собора, как участники заговора князя Бориса Тулупова, пытавшегося, по одной из версий, реставрировать опричнину, запрещенную в 1572 году.

«Сын Фёдора Сунбулова, очевидно, хорошо знавший тюркские языки, Михаил Сунбулов (Сумбулов) был неоднократным послом в Казань (под 1530 годом) (ПСРЛ, 34, с. 194) и Ногаи (в 1565–1566 гг.) (ПСРЛ, 29, с. 345, 348)» *(Н. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979).*

В период Смуты Григорий Федорович и Исай Никитич Сунбуловы вошли в историю России.

Вот какова судьба Григория Федоровича: «Ум. 1616. Воевода царей Бориса Годунова и Василия Шуйского. 1.04.1604, будучи 2-м воеводой передового полка, не согласился с назначением 2-м воеводой большого полка А. В. Измайлова. В конце лета 1606 возглавил отряд рязанских дворян в армии кн. И. М. Воротынского, направленной против И. И. Болотникова. После поражения правительственных войск присоединился к восставшим, но под Москвой (15.11.1606) изменил Болотникову. Зимой 1606–07 воевода в Переяславле-Рязанском вместе с П. П. Ляпуновым. Участвовал в осаде Тулы, занятой восставшими. После неудачной попытки свергнуть царя Василия Шуйского в феврале 1609 бежал в Тушинский лагерь. Сопровождал Лжедмитрия II во время его похода на Москву летом 1610. Затем присягнул вместе с другими боярами польскому королевичу Владиславу.

В 1594–97 за ним состояло поместье Замятни Лыкова в с. Носилово Каменского ст. Рязанского у. После его смерти в 1616 д. Минеево Окологородного ст. была дана в дар соборной церкви Успения (Переяславль-Рязанский).

В 1619 его поместье половина д. Носилово на рч. Исье дано кн. Семену Федоровичу Волконскому в вотчину за Московское осадное сиденье».

«*Исай (Исаак) Никитич.* Ум. до 1630. Активный участник Смуты 1604–13. Вместе со своим троюродным братом Григорием Федоровичем присягнул королевичу Владиславу. В 1611 вместе с запорожскими казаками осадил Прокопия Ляпунова в Пронске. Но тому на помощь пришел зарайский воевода кн. Д. М. Пожарский вместе с коломенцами. Запорожцы сразу же отступили, ничего другого не оставалось делать и Исаю С. Освобожденный Ляпунов направился в Рязань. Услышав об этом, С. вместе с черкесами осадил самого Пожарского в Зарайске. Пожарский сделал вылазку, захватил неприятельский острог и в коротком сражении разгромил С. с черкесами. После чего последние бежали на Украину, а С. — в Москву. Весной 1613 отряд под его командованием, посланный на подмогу осажденному Тихвину, был разбит шведами. Возможно этому способствовал местнический спор, который Исай Никитич, будучи всего лишь 3-м воеводой в войсках под Тихвиным, возбудил 24.04.1613 против 2-го воеводы Л. А. Батракова Воронцова-Вельяминова.

В 1594–97 за ним состояло поместье д. Кунаково Ростиславского ст. Рязанского у. В 1630 из его поместья в сц. Зименки, п. Погорелки 130 четв. дано вдове его Ирине на прожиток, а оставшиеся 11 четв. с иными поместьями дано детям его Ивану и Максиму по 5 четв. с осьминой.

Ж.: Ирина. Во 2-м браке (с 1630) за стольником Иваном Никифоровичем Траханиотовым».

Потомки мятежных бояр Сунбуловых впоследствии выше стольников и секунд-майоров не поднялись…

Но дали новую интереснейшую ветвь:

«*Петр Тимофеевич Черной Пушкин;* в 1610 г. жилец; в 1619 г. дворянин Московский; в 1624 г. воевода сторожевого

полка в Пронске; объезжий голова в Москве; в 1625–1628 гг. воевода в Тюмени; ум. 1633 г.

Жена: с 1619 г. *Елена Григорьевна Сунбулова*, дочь Григория Никитича (5-е поколение от московского дворянина Исаака Сунбулова, отца Осипа, деда Никиты и прадеда Григория (отца Елены).

Дети:

Петр Петрович Пушкин; в 1645 г. рында; в 1646 г. есаул в большом полку в Белгороде; в 1652 г. стольник; в 1659 г. на службе у засек; в 1660 г. дворянин Московский, товарищ воеводы в Туле; ум. в 1661 г., погребён под галереей собора Вознесения в Варсонофьевом девичьем монастыре в Москве.

1 Жена: Пелагея Фёдоровна Феофилатьева;

2 Жена: Анастасия Афанасьева Желябужская, ум. после 1680 г. (дочь Афанасия Григорьевича); в 1675 г. по указу царя, отдана "под крепкое начальство"» *(Род и предки Пушкина. М., 1995. С. 408, 412).*

Но поиски знатных родичей из династии потомков Ковылы-Вислова на этом не завершаются. Вот что сообщают исследователи. Интересно, что весь род Ковылы отказался от фамилии Ковыла: Сидор стал Сидоровым, Тутыха — Тутыхиным, Ивашка — Ивашкиным, Сунбул — Сунбуловым, Чулок — Чулковым.

Даниил Чулков был в числе самых выдающихся полководцев XVI столетия. Более того, писатель-историк Дмитрий Володихин на основании писем князя Андрея Курбского пишет о воеводе:

«Среди перечисленных Курбским людей можно выделить две группы военачальников: те, кого беглый князь называет людьми "благородными", "мужественными", "искусными", опытными и т. п.; а также тех, за кем, по его мнению, числятся особые военные заслуги, — иными словами, настоящих полководцев.

Вот эти две группы:

Князь Владимир Константинович Курлятев, князь Александр Иванович Ярославов, князь Иван Иванович Турунтай Пронский, князь Михаил Матвеевич Лыков, князь Федор Матвеевич Булгаков, Василий Васильевич Разладин-Квашнин, Дмитрий Ильич Шафериков-Пушкин, Крик Зуков Тыртов, Замятия Иванович Сабуров, Данила Григорьевич Чулков, род Колычевых, род Заболоцких, род Кашкаровых, род Сабуровых-Долгово…».

Обратим внимание на то, что обе фамилии — Квашнины и Ивашкины — в списке самых благородных — и в прямом и в переносном смыслах — людей того непростого времени.

Но Дмитрий Володихин и в этой — первой по значению — группе выделяет еще нескольких воевод: «Что касается первой группы, то там придется выделить еще нескольких опытных военачальников, значение которых Курбским даже несколько преуменьшено. Это прежде всего Иван Петрович Федоров, князь Владимир Константинович Курлятев, князь Александр Иванович Ярославов, князь Иван Иванович Турунтай Пронский, Замятия Иванович Сабуров, Василий Васильевич Разладин-Квашнин, Дмитрий Ильич Шафериков Пушкин, Данила Григорьевич Чулков».

Но судьба Чулкова была предрешена: «Андрей Михайлович *(Курбский — С. В.)* поместил в «Истории о великом князе Московском» список казненных аристократов, отметив, в частности, кто из них славился как талантливый полководец или хотя бы имел опыт и авторитет в военном деле.

Вот реестр Курбского:

… Данила [Григорьевич] Чулков-[Ивашкин] — убит.

К счастью, князь Курбский, который следил за московскими событиями из далекой Литвы, где он получил за свой побег из Московского царства вотчину и приличную должность, ошибался, основываясь в своих «записках» в том числе и на ложных или, точнее, непроверенных, слухах.

Данила Григорьевич Чулков-Ивашкин вышел живым из той опричной мясорубки и продолжал служить русским царям».

Вот, что сообщает о нем Википедия:

«Происходил из рода рязанских бояр. Принимал участие в завоевании Астрахани. В 1554 году он вместе с князем Алексеем Вяземским "астраханских людей искал и добывал выше Черного острова", поход закончился скорым покорением Астрахани. В 1556 году Чулков с отрядом поплыл по р. Дону для наблюдений над Крымом, возле города Азов он встретил 200 крымцев и разбил их.

По некоторым источникам, Чулков был послан русским правительством из Москвы в 1586 году в отряде Василия Сукина и Ивана Мясного, которые в следующем году поставили над реками Турой и Тюменкой город Тюмень, на том месте, где был прежде туземный город Чинги-Тура. Оттуда уже посланный Василием Сукиным письменный голова Данила Чулков прошел к устью реки Тобол, впадающей в Иртыш, и здесь поставил острог, названный им Тобольским.

По другим же источникам, Данила Чулков "прибыл в Сибирь с новою ратью в пятьсот человек" в 1587 году и летом при слиянии Иртыша с Тоболом заложил городок Тобольск. В начале июня острог был готов. 4 июня освятили первую острожную церковь, названную Троицкой.

В 1588 году Чулков был воеводой во вновь основанном им городе, в котором он, кроме обычных построек "острога", построил две церкви. Ему же удалось, заманив к себе в гости, взять в плен татарского князя Сейдяка (последний представитель тайбугинов Сейд Ахмед) с султаном кайсацкой орды (будущий касимовский хан Ураз-Мухаммед) и Мурзой-Карачой (по одной из гипотез, речь о представителе племени жалайыр, известном казахском историке и писателе Кадыргали Жалаири), которые были им

отправлены в Москву. Этим он утвердил пошатнувшееся после смерти Ермака господство русских, так как татары, напуганные пленом своего князя, откочевали вглубь степей, бросив свой главный город Искер.

Небольсин писал:

“Чулкову мы обязаны конечным прекращением главных и важных смут в Сибири и доставлением царю неотъемлемого и крепкого права назвать всю до-иртышскую страну <…> достоянием России”.

Должность тобольского воеводы Чулков занимал до 1589 года, дальнейшая судьба его неизвестна. В 7098 (1590) г. на место письменною головы Данилы Чулкова в Тобольск прибыл воевода князь Владимир Васильевич Кольцов-Масальский».

1623 г. февраля 27. — Грамота царя Михаила Федоровича в Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о назначении Гаврилы Иванова за его службу атаманом тюменских конных казаков.

От царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим князю Михаилу Борисовичу Долгорукову да Юрью Анфиногеновичу Редрикову. Бил нам челом Тюменского города конной казак Гаврилко Иванов и сказал: служил де он блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси, и царю Борису Федоровичу всея Руси, и царю Василью Ивановичу всея Руси и нам, великому государю, в Сибири 42 года; а прежде того он служил нам на поле 20 лет у Ермака в станице и с иными атаманы. И как с Ермаком Сибирь взяли, и Кучюма царя с куреня збили, а царство Сибирское нам взяли, и мурз и татар розорили, и он де был посылай с Ондреем с Воейковым на нашу службу на тово же Кучюма царя, и божиею де милостию и нашим счастием тово царя Кучюма на Обе реке погромили и его

убили, и жены его и дети взяли. Да его же де посылал на Алея царя боярин наши воевода Матвей Михайлович Годунов с воеводою с Назарьем Изъединовым, и того де Алея царя взяли и жон и детей поймали. Да он же де в Сибири ставил Томской город при воеводе Гавриле Писемском; да он же де ставил город Тюмень при воеводе Василье Сукине; да он же де посылай был в Кузнецы для нашего ясаку, и первой де ясак взяли; да он же де Тобольской город ставил при воеводе Даниле Чюлкове; да он же де Тарской город ставил при воеводе при князе Ондрее Елецком; да он же де ставил Пелымской город при воеводе при князе Петре Горчакове; да ево же де посылал на нашу службу боярин наш и воевода Матвей Михайлович Годунов головством на калмацких людей, и они де колмацких людей погромили, и жон и детей в полон взяли. А ныне де на Тюмени у них у конных казаков атамана нет. И нам бы его пожаловати, велети ему быти в Тюменском городе у конных казаков в атаманах на Степанове место Онтропьева, а Степан де ныне служит на Тюмени в детех боярских. И как к вам ся наша грамота придет, а то будет Степана Онтропьева место порожжо, атамана на его место у конных казаков нет, и вы б Гаврилку Иванову за те его многие службы велели в Тюменском городе быти у Тюменских у конных казаков в атаманах. Писан на Москве 7131-го февраля в 27 день.

Подлинная грамота за приписью дияка Ивана Болотникова. *(Архив Акад. Наук. Ф. 21. Оп. 4. № 8. Лл. 79 об. —80, № 64. Напеч. в РИБ, т. II, стб. 400–402, № 130).*

Данила Григорьевич Чулков навечно вошел в историю нашего государства как основатель будущей столицы Сибири — Тобольска, став и первым его воеводой. Вот, что пишут о нем тобольские краеведы.

ОСНОВАТЕЛЬ ТОБОЛЬСКА

ПИСЬМЕННЫЙ ГОЛОВА ДАНИЛА ЧУЛКОВ В ИЮНЕ 1587 ГОДА ВМЕСТЕ С ОТРЯДОМ СЛУЖИЛЫХ СТРЕЛЬЦОВ ПОСТАВИЛ ДЕРЕВЯННЫЙ ОСТРОГ НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ ПРИ СЛИЯНИИ РЕК ТОБОЛ И ИРТЫШ. ОН ПО ПРАВУ СЧИТАЕТСЯ ОСНОВАТЕЛЕМ ТОБОЛЬСКА. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, САМА ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА ПЕРВОСТРОИТЕЛЯ СТОЛИЦЫ СИБИРИ МАЛОИЗВЕСТНА ШИРОКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКЕ.

Существует несколько ветвей дворянского рода Чулковых. Первая берет начало от германского выходца Радши (XII век) *(это ветвь пушкинских однородцев, опричников — С. В.)****. Другая ветвь Чулковых ведет свою историю от выехавшего из Литвы к великому князю Василию Дмитриевичу и потом перешедшего на службу к великому князю Олегу Рязанскому Семена Федоровича Ковылы-Кислого, праправнук которого Григорий Иванович***

получил прозвище Чулок, а от него и сын Григория Ивановича — Данило, письменный голова, основатель Тобольска и первый его воевода (1590) — стал именоваться Чулковым.

Данила Григорьевич Чулков — воевода русского царя Ивана Васильевича Грозного, воин и государев человек, продолжатель дела покорителя Сибири Ермака. Принимал участие в войне с астраханскими и крымскими татарами. В 1554 году Чулков вместе с князем Алексеем Вяземским астраханских людей искал и языков добывал выше Черного острова; поход окончился скорым покорением Астрахани. В 1556 году Чулков с отрядом поплыл по Дону для наблюдений над Крымом. Возле Азова он встретил 200 крымцев и разбил их. Ивану Грозному Чулков писал, что Девлет-Гирей собирался на Москву, но, узнав, что русские ждут его, вернулся назад.

В 1585 году русское правительство послало письменного голову Данилу Чулкова, который служил в Ряжске, вместе с воеводами Василием Сукиным и Иваном Мясным в Сибирь. Через год ими была поставлена над рекой Турой на месте прежнего татарского городища Чимги-Тура деревянная крепость Тюмень. В 1587 году Москва посылает Чулкова во главе полутысячного войска к устью реки Тобол, впадающей в Иртыш, чтобы заложить там новый острог. Летописец отмечал: «…лета 7095 (1587) при царе Феодоре Иоанновиче указ воеводе Даниле Чулкову <…> прислано 500 человек поставити град Тоболеск».

Отряд Чулкова спустился по Туре и Тоболу в Иртыш и пристал к правому берегу у устья небольшой речки, которую потом назовут Курдюмкою. Там Данила Григорьевич и присланные с ним строители тщательно обследовали местность и заложили острог на высоком восточном берегу Иртыша, против устья Тобола. В «Повести летописной» отмечено: «…обрете место на той реке Иртише

усть речки Курдюмки против мало пониже устья реки Тоболу, яко единые версты, на велице горе и красно велми, а под горою <…> Богом строенное место, плавающим же защита ту бури и пристанище тихо и спокойно. И на сем же прекрасном месте поставиша град и нарекоша имя ему Тоболеск реки ради Тоболы <…> И паче же сей Тоболеск вместо царствующего града Старой Сибири именовася и прослыся начальным градом».

«Здесь будем град новой ставить», — отдал приказ письменный голова Данила Чулков. А град строить начали

на высоком мысу в день Троицы. Отсюда и первое название появилось — мыс Троицкий. А свершилась закладка нового града в день 3 июня 1587 года. И назвали его Тоболеск.

В Румянцевском летописце «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии» записано немного: «…прииде воевода с Москвы Данила Чулков. И дошед реки Ирыша, и ту поставиша град Тоболеск…». В «Книге записной» («Сколько в Сибири, в Тобольску и во всех сибирских городах и острогах <…> в котором году и кто имяны бояр, и окольничьих, и столников, и дворян на воеводствах бывали») в 1687 году точно указывается место сооружения первого тобольского города. Он был построен «на том ж месте и мысу, где ныне колокольня Софийская». Следовательно, первый город стоял рядом с нынешним Софийско-Успенским кафедральным собором.

Есть еще одна интересная деталь в «Книге записной». В летописи сказано, что «город первой был срублен из судового лодейного лесу небольшой и острогом и нос збиран». Из этой записи следует, что вокруг первого поселения на восточной части Троицкого мыса был поставлен острог из досок от лодок, на которых приплыли русские воины. Первые строители тобольской крепости поднимались на Троицкий мыс по логу, разделяющему два бугра Троицкого мыса. По логу носили пожитки от реки в град. По нему доставили наверх и доски от разобранных стругов. А из «досок лодейных» сделали первый тобольский острог. Но этих досок не хватило для полного ограждения вокруг всех изб. Поэтому острог сделали небольшой и поставили его в виде «носа». Так на краю холма появилось первое русское укрепление на Иртыше и первая церковь, освященная в честь Святой Троицы.

Мудрыми замечено: города никогда не возникают случайно и на случайных местах. Издавна Тобольск отмечали как место, которое будто специально замыслил Творец

мира. Про него говорили: «Божественного замысла город», «Подобен сибирский град Тоболеск ангелу…», «Картинный город». Предание гласит о том, будто люди Чулкова, причалив к правому берегу Иртыша, узрели высокий неприступный холм и решили, что для возведения крепости «тут Богом строенное место». Воевода Чулков мог видеть всю округу с вершины Алафеевской горы, где началось строительство острога…

Алафеевская гора с древних времен считалась священным местом. На ней не раз являлся местным жителям белый город в блеске золотых и серебряных искр, спускаясь с небес на землю в виде огненного столба. Есиповская летопись напоминает о Божественном произволении, по которому воевода Данила Чулков место под будущий город выбрал: «Благоволением Бога Отца и Сына и Святого Духа прииде воевода на ту гору превеликую, зряше место то зело лестно. И повелел воевода град созидати. И нарече град Тоболеск, и даде старейшенство великому граду».

Против строительства новой крепости выступил князь Сейдяк, считавший себя повелителем Сибири. Поглощенный борьбой с Кучумом, Сеид-хан старался избегать столкновений с русскими. Когда воеводы в 1587 году появились у самых стен ханской столицы, Сеид-хан попытался завязать переговоры с ними. Чулков пригласил хана и Карачу в острожек на пир.

Хан согласился, но принял меры предосторожности. Он отправился в гости в сопровождении нескольких сот отборных воинов. Голова Чулков располагал куда меньшими силами. Когда гости явились к воротам Тобольска, Чулков согласился впустить в крепость не более ста человек и предложил им снять оружие перед тем, как сесть за пиршеский стол. Карача был человеком крайне осторожным, но, видя малочисленность русских, согласился на все их условия.

Когда Сеид-хан, Карача и свита заняли места за столом, они столкнулись лицом к лицу с Ермаковыми казаками. Едва ли можно предположить, будто Чулков сознательно заманил хана в западню. Скорее всего, события развивались под влиянием стихийных сил.

Казаки не простили Караче вероломного убийства Ивана Кольцо и других своих соратников. Они бросились на Карачу и связали его вместе с ханом. Ханская охрана была перебита. Однако самое трудное было впереди. Гвардия хана — 400 воинов — стояла во всеоружии подле ворот острожка. В упорном, кровопролитном бою казаки

разгромили противника, обладавшего большим численным перевесом. Но они заплатили дорогой ценой за свою победу. В бою погиб «великий атаман» Матвей Мещеряк, возглавивший экспедицию после гибели Ермака. Сеид-хан был увезен в Москву и там определен на царскую службу. Татары, напуганные пленением своих вождей, спешно откочевали в глубь степей, бросив свою столицу Искер на произвол судьбы.

Таким образом, вся Сибирь до Иртыша и к северу по берегу Оби оказалась в руках московских государей. Тобольск стал вторым русским городом в Сибири. Символическим

актом, означавшим передачу власти над Сибирью от старой ханской столицы Кашлыка Тобольску, стало пленение воеводой Чулковым в Тобольске последнего сибирского царя Ораз-Мухаммеда.

В 1588 году Данила Чулков служил воеводой в основанном им городке, в котором построил две церкви. Согласно Есиповской летописи, он выполнял обязанности воеводы. В 1590 году ему на смену в Тобольск прибыл князь Масальский-Кольцов. Но известно, что до 1596 года Данила Григорьевич Чулков оставался в Тобольске. Если при Чулкове Тобольск подчинялся Тюмени, то при Масальском-Кольцове Тобольск стал самостоятельным, главным городом в Сибири. Через сто лет после промыслительного и дерзкого шага, предпринятого командой Данилы Григорьевича Чулкова, Тобольск станет главным городом Сибири, ее первой столицей.

Судьба самого воеводы Данилы Чулкова после Тобольска неизвестна.

Виктор Горохов
Источник иллюстраций:
«Летопись Сибирская» С. У. Ремезова

Известно, что у Данилы Григорьевича было два сына — Филипп и Федор, о судьбе которых рассказывают краеведы из Москвы:

ВОЕВОДЫ ДОМОДЕДОВСКОЙ ЗЕМЛИ XVI–XVII ВЕКОВ

С домодедовской землей своей жизнью и своим служением были связаны родовые династии Колычевых, Телепневых *(из рода князей Оболенских — С. В)* и Чулковых, из которых вышли многие московские вое-воды.

Отдельные представители из рода Колычевых владели селом Колычево, расположенным на берегу реки Пахры, из рода Телепневых — селом Битягово, расположенным на берегу Рожайи, а из рода Чулковых служили на сторожевой заставе, бывшей на месте современной деревни Заборье. Деревня Заборье существовала до татарского нашествия крымского хана Девлет-Гирея. В 1571–1572 годах Заборье было разорено и превратилось в пустошь. Возрождение деревни началось вновь спустя почти целый век.

Все поселения Южного Подмосковья подвергались бесконечным нашествиям и набегам. С 1539 по 1552 год шла непрерывная борьба русских с татарами, набегавшими на Москву. Походы русских войск на Казань в 1548–1549 годах были безуспешны, и только походы 1552 года принесли победу.

Колычевы происходили из знатного и древнего боярского рода. Родоначальником Колычевых был Федор

Александрович Колычев *(из рода Кобылиных, из которого вышли Шереметевы и Романовы — С. В.)*, живший в конце XIV века. Вотчина Колычевых — село Колычево — на домодедовской земле впервые упоминается в 1406 году в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича. Уже в то врем село принадлежало Колычевым, которые владели и жили в нем в течение нескольких последующих поколений.

Во время правления Елены Глинской Колычевы держались стороны князя Андрея (брата великого князя Василия), и трое из них с падением князя Андрея были казнены.

Известно, что митрополит Филипп (в миру Федор Степанович Колычев), происходивший из младшей ветви рода Колычевых, в молодые годы служил в ратных войсках. Родовые вотчины в Подмосковье принадлежали старшим ветвям рода Колычевых, а митрополит Филипп родился в поместье на Новгородской земле — в Деревской пятине — 11 февраля 1507 года.

Дядя митрополита Иван Умной-Колычев, служивший у опального князя Андрея Старицкого и сохранивший ему верность, попал в тюрьму. А его троюродные братья, Андрей Иванович и Гаврила Владимирович за отъезд к Старицкому были казнены.

Федору в 1537 году пришлось бежать на Онежское озеро, а затем на Соловецкие острова. В тридцатилетнем возрасте Федор Колычев удалился от мира, постригся в Соловецком монастыре с именем Филипп и через 10 лет во время царствования Иоанна Грозного стал игуменом Соловецкой обители.

Игумен Филипп вел монастырское хозяйство расчетливо, твердо руководил обителью, осуществил много построек. Соловецкий монастырь стал центром духовного развития, переписывались сочинения писателей XVI века. В их числе были Иосиф Волоцкий, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, позднее Андрей Курбский.

Филиппа Колычева царь Иоанн Грозный видел, будучи еще мальчиком, и, когда встал вопрос о назначении митрополита,

царь выбрал Филиппа. Игумен Филипп прибыл в столицу, явился к царю и, узнав о причине вызова, сказал ему: «Я повинуюсь твоей воле, но оставь опричнину, иначе мне быть митрополитом невозможно…»

Филипп после долгого раздумья, наконец согласился. Неизвестно, что было поводом к этой уступке. Филипп был поставлен митрополитом 25 июля 1566 года. Став московским митрополитом, Филипп увещевал царя Иоанна Грозного, и на некоторое время царь действительно воздерживался от своей кровожадности.

Митрополит не требовал уже больше уничтожения опричнины, но не молчал, являлся к царю ходатаем за опальных. Царь оправдывался, говоря, что кругом его тайные враги. Вскоре царь невзлюбил настойчивого митрополита и не стал допускать его к себе. Однажды, когда царь Иоанн Грозный подошел под благословение, митрополит Филипп не благословил его. События развивались быстро. Митрополит Филипп был низложен и оказался в заточении в Отрочь-монастыре. По царскому приказу на него надели колодки и кандалы. Царь в назидание казнил племянника митрополита Ивана Борисовича Колычева. По царскому приказу в 1569 году в Отрочь-монастырь прибыл Малюта Скуратов и там собственноручно задушил митрополита, при этом монахам объявил, что Филипп умер.

В царствование Алексея Михайловича Романова в 1652 году митрополит Филипп был причислен к лику святых.

В царствование Иоанна Грозного в битве при взятии Казани отличился Никита Борисович Колычев. Он был убит 20 октября 1552 года.

В 1781 году императрица Екатерина II удостоила село Колычево «имени прав и преимуществ города» под названием Никитск в честь героя Казанской войны Никиты Борисовича Колычева.

При царе Борисе Годунове опала на Колычевых снова повторилась, некоторые из Колычевых поплатились своей жизнью.

Телепневы в истории России известны с XV века. В 1492 году записано: «Того же лета месяца августа послал князь великий Иван Васильевич воеводу своего князя Федора Телепнева-Оболенского с силою ратною на город Мченск…» В 1518 году было известно о князе Федоре Васильевиче Оболенском-Лопате и князе Иване Федоровиче Оболенском (Телепневе).

В 1530 году в истории зафиксировано: «…в передовом полку князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенский да Чулок-Засекин…» А тремя годами позже, в 1533 году: «…тогда воеводы по указу великого государя послали за реку (Оку!) воеводу князя Ивана Федоровича Оболенского-Овчину, много татар побили и к великому князю прислали в Коломенское». В 1535 году «наместник стародубский князь Федор Васильевич Телепнев вышел из града, с литовскими людьми бился и многих побил…»

Телепневы в документах XVI века писались: Телепнев-Оболенский, Телепнев-Овчина, Оболенский-Лопата-Телепнев (Лопатин), Оболенский-Овчина-Телепнев.

Н. М. Карамзин писал, что главными вельможами в России в 30-х годах XVI века были Глинский и Телепнев: «…старец Михаил Глинский и конюший боярин князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, юный летами и подозреваемый в сердечной связи с Еленою». Глинский, как пишут, «смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели…»

Н. И. Костомаров сообщает, что «Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, которому совершенно отдалась Елена Глинская, вдова великого князя Василия, был человеком крутого нрава, не останавливался ни перед какими злодеяниями.

Брата покойного великого князя Юрия засадили в тюрьму и уморили голодом. Другой брат, Андрей, испугавшись той же участи, убежал, но был схвачен и задушен».

Михаил Глинский, дядя Елены Глинской, был обвинен в нелепом замысле овладения государством, посажен в тюрьму и уморен голодом.

«Во внешних же делах Телепнев, — по Костомарову, — поддерживал достоинство Московского государства. Открывшаяся, по истечении перемирия, война с Литвою ведена была счастливо и окончилась в 1537 году новым перемирием на пять лет с уступкою Москве двух крепостей: Себежа и Заволочья, построенных на Литовской земле. Татарские нападения были отражены. Такие успехи еще более возвышали любимца Елены, но это возвышение ускорило его гибель. Враги отравили Елену 3 апреля 1538 года».

К власти в 1538 году пришел боярин Василий Шуйский, при нем Ивана Телепнева уморили голодом, как он сам уморил Глинского.

О воеводе Даниле Чулкове, жившем и служившем в России в XVI веке в царствование Иоанна Грозного, писали все знаменитые историки: В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев. Личность воеводы Данилы Чулкова примечательна: был близким человеком к царю Иоанну Грозному, участвовал и руководил войсками во многих главных сражениях своего века, одерживал блестящие победы и явился основателем города Тобольска — столицы Сибири.

Для истории год рождения Данилы Чулкова остался неизвестным, но первое упоминание о воеводе известно — 1554 год, когда царю Иоанну Грозному было 24 года. Предположительно Данила Чулков родился в начале 20-х годов (1520–1525). Род Чулковых вел свою родословную от легендарного Ратши (это другой род, как мы отмечали уже выше — С. В.). Герой из дружины Александра Невского, Гаврила Алексич был правнуком Ратши, а внуком Гаврилы

Алексича был Григорий Пушка, прямой предок А. С. Пушкина. «Между тем родословное древо Ратшичей помимо ствола Пушкиных включает и другие ветви, давшие России крупных полководцев, дипломатов, общественных деятелей, инженеров, юристов, писателей и поэтов. Среди них — родовые династии Курчавых, Рожновых, Товарковых, Хромых, Чоботовых, Свибловых, Бутурлиных, Давыдовых, Желебиных, Чулковых, Челядниных, Мусиных-Пушкиных и Бобрищевых-Пушкиных» *(И. А. Ратшич. Дворянство по делам // Русский вестник. 1992. № 11)*.

В истории России в начале XVI века был известен, — как писал Татищев, — воевода князь Иван Михайлович Чулок-Засекин (Засекин-Чулков).

Во второй половине XVI века, в царствование Иоанна Грозного, важную роль в России играл воевода Данила Чулков. Историки называли его «стрелецкий голова», «письменная голова», «казачий атаман».

На рубеже XVI–XVII веков воеводами были: Чулков, Корнил (Гавриил) и Чулков Федор (сын Данилы Чулкова). Они отличились во время смуты при изгнании поляков из России.

Проследим за судьбой воевод по историческим записям.

В 1524 году великий государь сентября в 15-й день «возвратился из Новаграда с братиею на Москву, послав рать к Казани…» В этой рати были «Василий Андреевич Шереметев да Федор Семенов, сын Колычев, а в правой руке князь Петр Иванович Репин да Дмитрий Бутурлин; а в левой руке князь Иван Федорович Овчина да князь Андрей Кропоткин, а в сторожевом полку Иван Васильев, сын Лошакова, да Чулок-Засекин». В тот год (1524) было большое сражение, в котором погибло русских до 25 тысяч, а татар до 42 тысяч.

А в 1530 году «князь великий… послал в Казань рать свою… а в конной рати в большом полку князь Михайла Львович Глинсков, Василий Андреевич Шереметев; в переднем

полку князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенский да Чулок-Засекин…»

В этой битве хан Саип-Гирей, видя гибель города, собрал крымских татар в числе 5 тысяч и бежал из города, пробился сквозь русские полки, оставив две тысячи, и только с тремя тысячами бежал в Крым.

В походе воевод великого князя в Литовскую землю в 1535 году были «…а в передовом полку боярину своему конюшему князю Ивану Федоровичу Телепневу да князю Никите Борисовичу Туренину… А из Новаграда Великого и Пскова тако же послал князь великий на Литовскую землю и велел идти на Опочки:… а в левой руке наместнику ж псковскому Дмитрию Семеновичу Воронцову да Федору Семеновичу Колычеву, а в сторожевом полку князю Федору Михайловичу Курбскому да князю Ивану княж Михайлову сыну Ивановича Засекина…»

«И воеводы великого князя Михаил Васильев Горбатый с товарищи начали воевать королевскую область от Смоленского рубежа…и воевали до Вильни верст на 50, а инда и за 40. Поворотясь же оттеля к Полярным местам, пошли к немецкому рубежу, жгучи, воюючи, секучи и в плен емлючи. И вышли воеводы великого князя на Опочку к Псковской земле — все здравы с великим полоном, а пришли из Литовской земли на Опочку 11 марта, в первый день в 4-ю неделю поста».

В войсках великого князя Василия Ивановича воеводами были Федор Семенович Колычев, Иван Федорович Телепнев-Оболенский да Иван Михайлович Чулок-Засекин. В 1555 году в России была организована впервые регулярная охрана из стрельцов.

В 1566 году из 94 дворян первого ранга на службе в России оказалось только 33 из старых княжеских родов.

В 1539 году татары вторглись на Московскую землю, сын Саип-Гирея Иминь с шайками своих разбойников «грабил

в Коширском уезде по Оке». А в 1541 году десятилетний царь Иоанн «с братом своим, Юрием, молился Всевышнему в Успенском храме пред Владимирскою иконою Богоматери и градом Св. Петра митрополита о спасении Отечества; плакал и вслух народа говорил: "Боже! Ты защитил моего прадеда в нашествие лютого Темир-Аксака: защити и нас, юных, сирых! Не имеем ни отца, ни матери, ни силы в разуме, ни крепости в деснице; а государство требует от нас спасения!"»

При Иоанне Грозном в 1550 году вышел новый «Судебник», который получил название «Вторая русская правда».

В России 1552 год вошел в историю царствования Иоанна Грозного как год взятия Казани.

К войне с Казанью шла большая подготовка: «Уже полки стояли от Коширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда с запасами и пушками к Нижнему Новгороду…

В Коломне ожидали государя новые вести: крымцы шли к Рязани. Иоанн немедленно сделал распоряжение: велел стать большому полку у Колычева…»

В1554 году «пришли воеводы на Переволоку, что к Дону с Волги в 29-й день отпустили наперед себя князя Александра Вяземского да Данилу Чулкова, а с ними детей боярских и атаманов с казаки астраханских людей поискать языков (подобыть) и князь Александр встретился со астороханцы выше Черного острова, а они гребут в укшулях проповедовать про рать царя и великого князя, а в головах из них был Сакмак. И князь Александр на те люди пришел, и Божиим милосердием и царя, и великого князя щастиями тех людей побил наголову. И не ушел от тех ни один человек, а самого Сакмака жива взяли и инных многих и к воеводам встречу тех привели. И языки воеводам, Сакмак с товарищи, сказывали, что их послал Емгурчей-царь про рать московскую проведати, а сам Емгурчей царь стоит ниже города Астрохани 5 верст…

И астороханцы из города побежали, и всесильные Бога помощью, и Его Богоматери, и великих чудотворцев молением, и царя благочестивого, и великого князя Ивана Васильевича вся Русии благородством, и твердыми свирепостью разума его наукам, и его царским щастием воеводы его князь Юрья Иванович Пронский с товарищи Астороханское царство и город взяли, и людей наших разгоняли, и многих побили, а инных живых поймали. И взят город Асторохань июля 2-го на праздник Пречистые Владычице нашея Богородицы Положение честные ризы, иже во Влахерны».

В 1556 году «Данилу Чулкова да Ивана Мальцова послал государь вниз по Дону проведать про крымские вести…», и прислал к государю царю с Поля «Данилко Чулков девяти татаринов крымских, а… на Дону близ Азова 200 человек крымцев и побили их наголову…».

С. М. Соловьев в своей «Истории…» писал об этом событии так: «В Серпухов прислан к царю *(Иоанну Грозному. — Н. Ч.)* гонец от Чулкова, начальника того отряда, который и плыл Доном для вестей, Чулков писал, что встретил близ Азова 200 человек крымцев, побил из наголову и узнал от пленных, что хан в самом селе собрался на Московские украйны…».

В 1557 году снова «на Дон государь послал Данила Чулкова да Ваську Хрущова, да с ними атаманов и казаков, а велел их искать и побити их, и дьяку Ржевскому велел на них послати казаков к Азову, да итти от Азова вверх Доном имать их». А в 1558 году «отпущен в Черкасы, на Казань да на Астрахань судном, и с Черкас им итти ратью мимо Азова. Да со князем Дмитрием же брать отпустил Игнатия Заболоцкого с жильцы, да Ширяя Кабякова с детьми боярскими, да и Данила Чулкова, да Юрья Булгакова… А с казаки велел государь оставить Данила Чулкова да Юрья Булгакова…» (Следует заметить, что село Битягово в начале XVII века находилось во владении за

стремянным конюхом Дмитрием Кузьминым, сыном Булгакова).

Как сложилась дальнейшая судьба воеводы Данилы Чулкова с 1558 года и до 1587 года, в истории освещено весьма слабо, но известно, что в последние годы он служил головой в Ряжске.

В 1584 году умер царь Иоанн Грозный.

На исторической арене воевода Данила Чулков появляется вновь уже в почтенном возрасте, в царствование Бориса Годунова. В 1587 году Разрядный приказ решил послать за Урал письменного голову Данилу Чулкова.

Разрядный приказ решил повторить в Сибири опыт Казанской войны: воеводы добились успеха только тогда, когда построили на Волге крепость Свияжск. Опираясь на эту построенную крепость, воеводам удалось сокрушить Казанское ханство.

Вот тут и понадобился опыт такого мудрого военачальника, каким был воевода Данила Чулков. Чулкову была поставлена задача: построить крепость в непосредственной близости от «Старой Сибири».

Перед отправкой в Сибирь воеводе Чулкову не велено было штурмовать Кашлык. Его войска снабдили всем необходимым для постройки крепости. В Сибирь Данила Чулков привел несколько сот стрельцов. Отряд Данилы Чулкова спустился по Туре и Тоболу на Иртыш и, выбрав место на высоком мысу в 15 верстах от Кашлыка, построил за один сезон деревянный острог-крепость, названный Тобольск. Воевода Чулков не только построил острог, но и укрепил его и воздвиг церковь во имя Живоначальной Троицы в том же, 1587 году.

После изгнания Кучума из Кашлыка в Сибирском ханстве началась междоусобная борьба. Сеид-хан продолжал удерживать столицу ханства, опираясь на поддержку татарских феодалов и правителя казахской орды.

Султан Ураз-Мухамед, племянник казахского хана Теввекеля, постоянно находился при Сеид-хане с воинами.

Серый хан Кучум уповал на поддержку бухарцев, которые помогли ему в былые годы захватить Сибирь, и ждал своего часа.

Сеид-хан, поглощенный борьбой с Кучумом, избегал столкновений с русскими и пытался завязать переговоры с воеводами в 1587 году, когда они появились у стен ханской столицы. Чулков, воспользовавшись благоприятным моментом, пригласил хана и его приближенных в Тобольск на пир. Хан принял приглашение. Однако татары приняли меры предосторожности. В сопровождении Сеид-хана было 500 отборных воинов. Данила Чулков располагал меньшими силами, а потому, когда гости явились к воротам Тобольска, Чулков согласился впустить в крепость не более 100 человек и предложил им снять оружие перед тем, как сесть за пиршеский стол. Карача был человеком крайне осторожным, но, увидев малочисленность русских, согласился на все условия. Когда Сеид-хан, Карача и другие татары заняли места за столом, они столкнулись лицом к лицу с казаками атамана Ермака. Едва ли можно было предположить, будто воевода Чулков сознательно заманил хана в западню. Скорее всего, события развивались под влиянием стихийных сил и предыдущих битв. Казаки не простили Караче вероломного убийства Ивана Кольца и других своих соратников. Они бросились на Карачу и связали его вместе с ханом, а ханская свита была перебита.

Но самое трудное предстояло впереди. У ворот острожка стояли во всеоружии 400 отборных воинов. Началась борьба казаков с противником, обладавшим большим численным перевесом.

В кровопролитном бою погиб «Великий атаман Матвей Мещеряк», возглавлявший казачью экспедицию после

гибели «Великого атамана Ермака». Пленение Сеид-хана было последним большим событием, в котором казаки Ермака участвовали как воины. Сеид-хан был увезен в Москву и определен на царскую службу.

Русское казачество, как организация и военная сила, участвовало во многих военных кампаниях и закладывало новые крепости.

Судьба одного из участников казачьих экспедиций, Гаврилы Иванова, показательна. Он, вернувшись в Сибирь с отрядом воеводы Сукина, ставил крепость «Тюмень» и деревянный Тобольский городок с головой Данилой Чулковым, участвовал в бою с гвардией Сеид-хана, затем ставил Пелымский и Тарский городки и громил Кучума уже на Оби. Гаврила Иванов был назначен атаманом конных казаков в Тюмени и был одним из немногих соратников атамана Ермака, оставшихся в живых.

Начавшаяся вскоре опала на промышленников Строгановых коснулась многих воевод — участников Сибирских походов. Дьяки Разрядного приказа записали в дворянские списки данные о гонениях на сибирских воевод. Василий Сукин оказался «у пристава в опале», его помощник — тюменский воевода Иван Мясной попал под стражу. А основатель Тобольска Данила Чулков, согласно записи, угодил «в тюрьму».

Сибирские воеводы, добившиеся крупных успехов в военном деле и основавшие несколько крепостей, занявшие ханскую столицу Кашлык и пленившие Сеид-хана, пострадали вместе со Строгановыми.

Правительство не могло обойтись без услуг Строгановых, и в 1590–1591 годах Царь Федор пожаловал Никите Григорьевичу Строганову помилование и вернул его вотчины с «городком Орлом, слободою, и с варницами, и с деревянными, и с починками со всеми к ним угодьи владеть по-прежнему…»

Дальнейшая судьба воеводы Данилы Чулкова неизвестна. В годы смуты начала XVII века отличился его сын, воевода Федор Данилович Чулков.

Князь Скопин в 1608 году «послал шведов наперед к Старой Руссе, и они очистили Старую Руссу. Потом был бой у шведов и русских с поляками. В Торопецком уезде, селе Каменках, где поляков побили и, Торопец взяв, оставили воеводу Федора Чулкова…»

А другой воевода, Корнила (Гаврила) Чулков, участвовал в битве за Торжок. «По отправлении шведов к Руссе послал же к Торжку Кормила Чулков с русскими людьми, и оной вскоре Торжок взял и укрепился…» «К Торжку послал Шуйский <…> Гаврилу Чулкова со многими новгородцами. И оный, по невеликом сопротивлении Торжок взяв, укрепился. Во Твери же поляки, уведав оное, послали к Торжку войско, а Шуйский, получа известие, послал в помочь к Чулкову Семена Головина, тако же и Горну велел туда наспех итти… Чулков вышед со всеми людьми в помочь, а Головин с поля подоспел, и поляков с великим уроном отбили, по котором они отступили во Тверь».

Из родовых русских династий Колычевых, Телепневых и Чулковых вышли многие известные воеводы, которые служили на славу Отечества в XVI–XVII веках. Воеводы принимали участие во многих исторических сражениях, строили крепости и церкви.

Воскресить память о них, напомнить читателям о героических страницах Русской истории — такова цель написания очерка.

(Николай Чулков. Из цикла «История края в лицах»).

Интересный материал. Но и из потомков Данилы Григорьевича мы не нашли никого, кто поднялся бы до уровня кумовства с всероссийским императором.

Но поиски корней ссыльного Петра Матвеевича по отчеству приводит нас все к тем же к Ивашкиным — к стольнику (в 1705–1717 гг.) Матвею Кирилловичу, вотчина которого находилась именно в тех краях, где атаман Заруцкий, женившись на Марине Мнишек, бывшей до этого женой двух Лжедмитриев, возжелал возвести ее с «воренком» на царский престол, и расправился с местным воеводой Денисом Ивановичем Ивашкиным. У Матвея Кирилловича числилась в Крапивненском уезде, Засосенском стане деревня Кривцова в 10 дворов, да в Псовском стане этого же уезда деревня Воротынка в 12 дворов.

Невесть какое богатство…

Но имя-отчество — тоже не факт. Бывало, что ссыльным запрещалось называть и свои фамилии, как тому же камчатскому ссыльному Алексею Яковлевичу Шубину, сосланному по личному повелению Анны Иоанновны, без суда и следствия, которого потом с большим трудом отыскали по именному указу в одном из самых дальних сибирских острогов…

Нам же важно не только установить родственные корни Петра Матвеевича, но и понять, какие мотивы взрослого, уже семейного человека лежали в основе его политических замыслов, ценой которых стала его шестидесятилетняя ссылка.

Но вернемся к вопросу, кто же все-таки из родственников Петра Матвеевича мог быть кумом самого императора?

Еще раз посмотрим в список цареубийц: а нет ли там Квашниных?

И в самом начале — сразу вслед за подписями прямых убийц царевича — Меншикова, Апраксина, Долгорукова, Бутурлина, Стрешнева, Мусина-Пушкина, Толстого — следует подпись сенатора Михайлы Самарина.

Конечно, не каждый сегодня знает, что полное написание этой фамилии — Квашнин-Самарин.

39.

ГЕРБЪ РОДА КВАШНИНЫХЪ-САМАРИНЫХЪ.

Въ щитѣ имѣющемъ золотое поле, изображенъ одноглавый Орелъ бѣлый съ распростертыми крыльями, у коего на груди на маломъ щитикѣ голубаго цвѣта, виденъ золотой Крестъ, поставленный на серебреной Подковѣ шипами въ верхъ обращенной. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ Короною и тремя страусовыми перьями. Наметъ на щитѣ золотой подложенный голубымъ. Щитъ держатъ два Льва смотрящіе въ стороны съ загнутыми хвостами.

Родъ Квашнинихъ-Самаринихъ происходитъ отъ выѣхавшаго въ 6840 / 1332 мъ году къ Великому Князю Іоанну Даниловичу

39

Калитѣ изъ Литвы мужа честна Нестера Рабеца. Внукъ сего Нестера, Иванъ Родіоновичъ Квашня имѣлъ правнука Степана Родіоновича Самару. Потомки ихъ Квашнины-Самарины Россійскому Престолу служили въ Боярахъ, Стольниками, Окольничими и въ иныхъ знатныхъ чинахъ, и жалованы были отъ Государей помѣстьями. Все сіе доказывается сверхъ Бархатной книги, родословною Квашнинихъ-Самаринихъ.

Знаменитый русский ученый С. Б. Веселовский подробно изучил историю этого рода. Следуя Государственному родословцу, дед первого Квашнина (Квашни) Нестер выехал из Литвы на службу московскому князю. Новгородская летопись уточняет: «По приглашению великого князя Ивана Даниловича приехал в 1332 г. служить в Москву киевский вельможа Родион Нестерович. Великий князь дал ему боярство и село на реке Всходне, а также в вотчину половину Волока Ламского. В 1337 г. под Переяславлем он разбил рать

тверского боярина Акинфа Великого, а самого его убил».

Акинф Великий, если кто помнит, — прямой предок Александра Сергеевича Пушкина.

В 1332 году Родион Несторович был назначен наместником в московскую часть Волока Ламского и изгнал новгородского наместника, присоединив к Москве и новгородскую часть. В награду получил «село во области круг реки Всходни на пятнадцати верстах», с центром селом Коробовым (будущим Тушиным), где либо он, либо его сын Иван Родионович Квашня (участник Куликовской битвы) основал Спасо-Преображенский монастырь.

Иван Квашня, названный так якобы за «рыхлость» тела, единственный сын Родиона Нестеровича, был боярином великого князя Дмитрия Ивановича и сражался вместе с ним, будучи воеводой Коломенского полка, в Куликовской битве 1380 г. В 1389 году он был свидетелем (участником) составления духовного завещания великого князя Дмитрия Донского и одним из девяти его душеприказчиков — «регентском совете» при малолетнем Василии I. Но уже на следующий год заболел и в Великий пост умер, перед смертью постригшись в монахи под именем Игнатия, и был погребен в монастыре Спаса, в родовом склепе, на реке Всходне.

У него было три сына, в том числе и Василий, отличавшийся также природной фамильной дородностью, получивший прозвище Туша, ставшее затем родовой фамилией бояр Тушиных, — бывших воеводами в Себеже, Ивангороде, Пронске и Костроме. При разделе вотчины после смерти Ивана Квашни в 1390 г. Василий Туша, третий сын, получил побережье реки Москвы с монастырем Спаса — позднее село Тушино, навечно в Смутное время вошедшее в историю России как военная ставка царя Лжедмитрия II.

Четвертый сын Родиона, Степан Самара, брат Квашни, был родоначальником Самариных, которые в конце

XVII в. получили разрешение именоваться Квашнинымиили Самариными, в отличие от рода смоленских Самариных.

Во времена Ивана Грозного одна из Квашниных (Анна Даниловна Квашнина-Фомина) стала женой родственника Романовых (а Романовы — Захарьины, Юрьевы, Яковлевы — были родственниками самого Грозного), князя Василия Сицкого.

Но это была дальняя родня, а главные представителя рода Квашниных — московская нетитулованная знать — были подвергнуты жесточайшим репрессиям.

С. Б. Веселовский писал, что опричниками были казнены следующие представители этого разросшегося к тому времени рода: Иван Петрович Поярков (Рубцов), Семейка Чулков (Рубцов), Иван Федорович Невежин (Жохов) и Василий Васильевич Розладин.

Василий Васильевич Розладин, второй воевода левого полка в Ливонском походе 1558 г., воевода в Раковоре в 1561 г., дворянин первой статьи на Земском соборе 1566 г., был казнен в числе многих участников Земского собора, выразившего резкое неприятие опричнины, вместе с матерью Федосьей.

Севастьян Золотой Григорьевич Квашнин бежал в Литву, впоследствии вернулся и при царе Борисе Годунове служил по Пскову.

Неизвестно, как сложилась судьба Ждана Аваловича Квашнина, который был послом Грозного к императору Рудольфу и к датскому королю Фридриху.

При Романовых, которые не без помощи опричников в Смутное время овладели троном, в числе самых приближенных мы находим Кириака Ивановича Квашнина, который был постельничим у царя Иоанна Алексеевича, а затем стал окольничим. Но это не могло положительно сказаться на карьере — всех, кто был приближен к Милославским, родственникам сводного брата будущего императора Петра

Алексеевича, с которым тот вынужден был делить царский трон, либо казнили, либо сослали в Сибирь, либо отправили с глаз долой в дальние деревни.

«…известно из указа об образовании Сената от 22 февраля 1711 года, что состав Сената был определен в девять человек. Из них двое входили в состав Ближней канцелярии: Стрешнев, начальник разряда, и граф Мусин-Пушкин, начальник монастырского приказа. Остальные семь человек были преимущественно из крупных военных и гражданских чиновников: князь Голицын, архангельский губернатор, впоследствии один из представителей консервативной оппозиции, сторонник царевича Алексея Петровича; князь Волконский, обер-комендант Ярославской провинции; Самарин, кригс-цальмейстер, с 1708 года начальник мундирной канцелярии, привлекался по делу царевича Алексея; Апухтин, генерал-квартирмейстер; Племянников, управляющий казенными парусными заводами; князь М. В. Долгорукий, неграмотный, за которого приговоры Сената подписывал Племянников; Мельницкий, стольник. Обер-секретарь Сената — Щукин, который до образования Сената был прибыльщиком и президентом ижерских канцелярий».

То есть Михаил Самарин был одним из девяти первых сенаторов. Правда, его было попытались замешать в дело о царевиче Алексее и даже взяли под караул, но Петр I в своем письме от 7 марта 1718 года объявил Сенату, что «Петр Матвеевич Апраксин и Михаила Самарин по делам своим (для чего они взяты были к Москве) очистились и для того оные ныне отпущены в Питербурх по прежнему к делам; и для того ныне Михаила Самарину дом велите роспечатать и людей ево велите освободить. А какой был на них извет и чем они оправдались, тому прилагается при сем копия».

У Петра I были основания доверять Михаилу Самарину. Вот что пишет в замечательном «Биографическом словаре» П. Самарин: «Самарин, Михаил Михайлович — род. 2 марта 1659 г., ум. 18-го января 1730 г., из рода Самариных — смольнян, помещенных после разгрома Смоленска в 1611 г. в уездах Ярославском, Вологодском, Костромском и Пошехонском, был старшим из двух сыновей стольника Михаила Федоровича и жены его Анны Ивановны, урожденной Паниной, а по первому мужу Киселевой. Когда ему минуло 13 лет, он был записан в жильцы, а через 4 года уже был пожалован в стряпчие и затем в стольники. До 1708 г. Служба его была главным образом военная. Он принимал участие почти во всех войнах с Турцией и Швецией того времени: в Чигиринском походе кн. В. В. Голицына 1677 г., в обоих крымских походах и в азовском походе1696 г.; в 1700 г., в самом начале Шведской войны, он в чине ротмистра был в отряде Головина под Нарвою, а с 1702 до 1705 г. и с 1707 до 1708 г. находился в армии фельдмаршала Шереметева, причем с 1703 г. состоял его адъютантом. Между этими походами на М. М. были возлагаемы разные поручения: в 1678 и 1679 гг. он находился в свите посольства Бутурлина, отправленного в Польшу и Австрию; в 1684 г. он был послан с важным поручением на Дон: удержать казаков от содействия Польше в войне ее с Турцией и от набегов на терских черкес и астраханских татар.

С 1708 г. начинается самостоятельная и видная служба С. В феврале этого года, в самый разгар шведской войны, Петр Великий учредил новые должности генерал-кригсцалмейстеров, одного для пехоты, а другого для конницы главной действующей армии и, вероятно, по указанию фельдмаршала Шереметева назначил С. генерал-кригсцалмейстером от инфантерии. С 10-го марта до 7-го августа 1708 г. М. М., состоя в этой должности, находился при главной армии Шереметева, но в августе ему было велено отправиться в Москву

и заведовать Мундирной от инфантерии канцелярией. Его обязанность состояла: в покупке материалов, в заготовке и отправке в армию мундиров, белья, обуви и частью амуниции первоначально для 25-ти, а затем для 29-ти пехотных армейских полков главной действующей армии; с 1712 г. он должен был обмундировывать уже все пехотные полки за исключением тех, которые находились в Померании. В занятиях этим делом обнаружились выдающиеся способности М. М.: его ум, энергия и распорядительность. Несмотря на постоянную недостачу в деньгах, С. удалось устроить это дело дешевле, чем было предположено; вследствие этого указом 16-го января 1712 г. было повелено остаточные деньги назначать в пользу солдат, а не на другие расходы. Вероятно, в награду за эту деятельность М. М. был назначен в феврале 1711 г. сенатором, из первых 9. Будучи сенатором, М. М. еще целый год продолжал заведовать Мундирной от инфантерии канцелярией, но с августа 1712 г. ему, вместе с сенатором Племянниковым, была поручена Расправная Палата, учрежденная в то время при Сенате. Эта судебная деятельность М. М. продолжалась менее двух лет. По переезде его из Москвы в Петербург в начале 1714 г. он принимал участие в заседаниях Сената и сверх того, так же, как и другие сенаторы, заведовал с 1714 г. постройкою губернских домов на острове Котлине, а в 1716 г. постройкою одного из 9 новозаложенных кораблей. В конце 1718 г., вследствие перемены в составе Сената, занятия М. М. в Сенате прекратились.

За год перед этим, именным указом от 22-го ноября 1717 г., ему было поручено новое важное дело — надзор за постройкой гаваней на острове Котлине и в Кронштоте. Эта последняя служба М. М. обнимает период времени с 22-го ноября 1717 г. до августа 1726 г., за исключением довольно значительного перерыва в 1718 г., когда он в качестве обвиняемого был привлечен к следствию по делу царевича Алексея, а затем, как сенатор, участвовал в суде над царевичем

и над другими лицами, обвиненными по тому же делу. Работа на о. Котлине, возложенная на С., постепенно расширялась: первоначально ему был поручен надзор за постройкой гаваней, с мая 1719 г. он заведовал работами по устройству канала и доков, а с октября 1720 г. ему было поручено окончить постройку большей части каменных домов, начатую губерниями еще в 1715 г. Всеми этими работами заведовала Канцелярия гаванного, канального и губернских домов строения. С. Был ее начальником и распоряжался хозяйственною частью: при помощи губернских комиссаров он должен был заготовлять материалы для построек, заботиться о рабочих и солдатах, сдавать работы подрядчикам, вести с ними расчеты, надзирать за производством работ, подавать отчеты в произведенных работах и в израсходованных деньгах. Положение М. М. было довольно самостоятельное до 1722 г. В этом году последовал на него донос подрядчика Крекшина в разных злоупотреблениях, и хотя донос оказался несправедливым (найдены были не злоупотребления, а беспорядки), но положение С. изменилось: он продолжал заведовать работами на о. Котлине и в Кронштоте, но уже под главным надзором сперва кн. М. М. Голицына, а затем генерал-майора Дмитриева-Мамонова. В конце сентября 1724 г., когда гавани и губернские дома были уже, по-видимому, окончены, Петр Великий передал устройство канала и доков в заведование Адмиралтейской Коллегии; последняя поручила надзор за работами главному командиру Кронштадта вице-адмиралу Сиверсу и оставила при нем в качестве заведующего работами С. Императрица Екатерина, осмотрев 11-го июля 1725 г. работы, произведенные в Кронштадте, пожаловала С. Чин действительного статского советника. В августе 1726 г., по приказу кн. Меншикова, М. М. уехал в Петербург и должен был там прожить более года, вероятно, вследствие начавшегося в Синоде дела по обвинению, взведенному на него бывшим подрядчиком

Крекшиным и капитаном Аничковым в непочитании икон, мощей и в других "церковных противностях". В конце 1727 г. М. М. выхлопотал себе отпуск из Сената и переселился в Москву, где и провел последние годы своей трудовой жизни, вдали от службы, занимаясь уже исключительно своими личными делами».

То есть сенатору Михаилу Самарину удалось настолько угодить и близко сойтись с императором, что тот вполне реально мог стать крестным отцом одного из появившихся на свет ближайших родственников Самариных-Квашниных…

У Михаила Самарина были и хорошие родственные связи, что имело в те времена огромный политический вес: его сестра — Аксинья — была замужем за окольничим Петром Васильевичем Бутурлиным (из рода Радши), родственником одного из ближайших сподвижников императора на Всешутейном, Всепьянейшем и Сумасбродчайшем Соборе — князя-папы Петра Ивановича Бутурлина. Подпись другого Бутурлина — генерал-поручика Ивана Ивановича — стояла чуть выше подписи самого Самарина в приговоре царевичу Алексею — именно благодаря участию этого генерала, как командира лейб-гвардии Преображенского полка, была утверждена на российском троне императрица Екатерина I. Во времена Петра I Иван Иванович сделал головокружительную карьеру, а во времена Екатерины I стал руководителем Тайной канцелярии, но умер в 1738 году в ссылке и в нищете, раздавленный всесильными временщиками Меншиковым и Долгоруковыми.

«Оказавшись на краткий миг в роли «делателя королей», Бутурлин был щедро вознагражден императрицей, которую он, по сути дела, возвел на престол. Отдавая должное его роли в этом событии, Екатерина I поручила ему на похоронах своего покойного супруга нести корону Российской империи, которую он фактически ей доставил. Однако благоденствие его продолжалось недолго — лишь

до конца правления императрицы, когда он вместе со всеми своими коллегами по Тайной канцелярии был втянут П. А. Толстым в заговор против планов А. Д. Меншикова сочетать браком свою дочь с внуком Петра I и возвести его на престол. Когда заговор был раскрыт, Бутурлин по воле светлейшего был лишен всех чинов и знаков отличия и сослан «на безвыездное жительство» в свое дальнее поместье. Не облегчило, но сильно ухудшило его положение последовавшее вскоре падение светлейшего, поскольку получившие доминирующее влияние на сына царевича Алексея князья Долгорукие отняли у него все поместья, пожалованные Петром I, оставив лишь наследственное имение Крутцы во Владимирской губернии, где он провел остаток жизни. Бутурлин был награжден высшими российскими орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского».

У самого сенатора Михаила Самарина (умер в 1730 г.) были сыновья Николай и Иван. Последний дослужился до полковника. Женат был на Прасковье Васильевне Юшковой (27.11. 1722–14.11. 1782), дочери Василия Алексеевича Юшкова, комнатного стольника царя Ивана Алексеевича, впоследствии ближнего стольника царицы Прасковьи Федоровны (Салтыковой).

При Петре I выпестованы были и другие Самарины, которые по возрасту были ровесниками Петра Матвеевича и могли быть ему ровней и по последующей карьере — не каждый в России был крестником Петра Великого и не каждого благословляла на брак императрица Анна Иоанновна (дочь царя Ивана Алексеевича и боярыни Прасковьи Федоровны Салтыковой, у которого постельничим служил Кириак Иванович Квашнин):

«Квашнин-Самаринъ Петръ ѳеодоровичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, † 19 октября 1815, въ 6 ч. пополуночи, 72 л.

помещ. Президент Юстиц-коллегии, кавалер двух орденов, действ, тайный советник. ~книж. Анастасия Петровна Салтыкова (1731.11.26–1830.03.24) (С. Брыково Звенигород. у. Моск., въ церковной ограде)

Квашнин-Самаринъ ѳеодоръ Петровичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 14 сентября 1704 † 20 сентября 1770 (С. Брыково Звенигород. у. Моск. въ Богоявленской церкви, имъ построенной; могила «заложена позднѣйшей пристройкой трапезной церкви»; памятникъ вынесенъ изъ церкви). Действительный статский советник. Начал службу пажом царевны Натальи Алексеевны. Служил во флоте. Был прокурором Вотчинной коллегии. С 1755 герольдмейстер. С 1765 возглавлял Главный магистрат в Москве. Сын ПЕТР 1743–1815».

Благодаря родословным книгам нам удалось все-таки найти Матвея Квашнина и его ближайших родственников.

Патриархом этой ветви рода Квашниных был тот самый Степан Родионович Квашнин, который имел прозвище Самара и от кого в дальнейшем пошли Самарины и Квашнины-Самарины.

КВАШНИНЫ-САМАРИНЫ и САМАРИНЫ.

Члены этой фамиліи писались всѣ, до XVII вѣка, *Квашнины-Самаринымн*, но съ половины XVII вѣка нѣкоторые изъ нихъ пишутся просто *Самаринымн*. Въ числѣ владѣльцевъ населенныхъ имѣній, въ 1699 году, ихъ было девятнадцать человѣкъ, изъ коихъ одиннадцать цисались «Самаринымн» а восемь «Квашнинымн-Самаринымн.»

№ № отцовскій.

ОТЪ НЕСТЕРА РЯБЦА КОЛѢНО VI:

1. Степанъ Родіоновичъ Квашнинъ-*самара* (см. предъидущую статью о Квашнинвыхъ).

КОЛѢНО VII:

2. Иванъ Степановичъ *старшій* . . . . . 1.
3. Алексѣй Степановичъ. . . . . 1.
4. Андрей Степановичъ . . . . . 1.
5. Иванъ Степановичъ *лысый* . . . . . 1.
6. Григорій Степановичъ . . . . . 1.
7. Перфилій Степановичъ . . . . . 1.
8. Ѳедоръ Степановичъ . . . . . 1.

КОЛѢНО VIII:

9. Василій Ивановичъ . . . . . 2.
10. Михайло Ивановичъ . . . . . 2.
11. Никита Алексѣевичъ *исупъ* . . . . . 3.
12. Александръ Алексѣевичъ *винко* . . . . . 3.
13. *Посникъ* Алексѣевичъ . . . . . 3.
14. Иванъ Андреевичъ *замятня* . . . . . 4.
15. *Застава* Ивановичъ. . . . . 5.
16. Григорій Ивановичъ . . . . . 5.
17. Степанъ Ивановичъ . . . . . 5.

КОЛѢНО IX:

18. Григорій Васильевичъ . . . . . 9.
19. Иванъ Никитичъ . . . . . 11.
20. Иванъ Александровичъ . . . . . 12.
21. Иванъ Ивановичъ . . . . . 14.
22. Перфилій Степановичъ . . . . . 17.

КОЛѢНО X:

23. Андрей Григорьевичъ. . . . . 18.
24. Василій Ивановичъ . . . . . 19.
25. Ѳедоръ Ивановичъ . . . . . 19.

Происхождение:

№ № отцовскій.

26. Степанъ Ивановичъ . . . . . 19.
27. Семенъ Ивановичъ . . . . . 20.
28. Богданъ-Митрофанъ Ивановичъ . . . . . 20.
29. Викула Ивановичъ . . . . . 21.
30. Петръ Перфильевичъ. . . . . 22.

КОЛѢНО XI:

31. Василій Андреевичъ . . . . . 23.
32. Иванъ Васильевичъ . . . . . 24.
33. Никита Васильевичъ . . . . . 24.

№		№ отцовскій.
34.	Михайло Васильевичь	24.
35.	Данило Васильевичь	24.
36.	Богданъ Ѳедоровичь	25.
37.	Василій Богдановичь	28.
38.	Семенъ Богдановичь	28.
39.	Юрій Викуличь	29.
40.	Иванъ Викуличь	29.
41.	Семенъ Петровичь	30.
	КОЛѢНО XII:	
42.	Левъ Васильевичь	31.
43.	*Смирной* Васильевичь	31.
44.	Павелъ Никитичь	33.
45.	Михайло Никитичь	33.
46.	Андрей Никитичь	33.
47.	Григорій Васильевичь	37.
48.	Ѳедоръ Семеновичь	38.
49.	Богданъ Юрьевичь	39.
50.	Яковъ Ивановичь	40.
51.	Иванъ Ивановичь *куликъ*	40.
52.	Семенъ Семеновичь	41.
53.	Иванъ Семеновичь	41.
54.	Романъ Семеновичь	41.
55.	Василій Семеновичь	41.
56.	Пименъ Семеновичь	41.
	КОЛѢНО XIII:	
57.	Данило Львовичь	42.
58.	Михайло Андреевичь	46.
59.	Петръ Андреевичь	46.
60.	Ѳедоръ Андреевичь	46.
61.	Степанъ Богдановичь	49.
62.	Василій Богдановичь	49.
63.	Тихонъ Яковлевичь	50.
64.	Иванъ Ивановичь	53.
65.	Киріакъ Ивановичь, постельничій	53.
66.	Андрей Васильевичь	55.
67.	Данило Васильевичь	55.
68.	Софроній Пименовичь	56.
69.	Василій Пименовичь	56.
70.	Степанъ Пименовичь	56.

№		№ отцовскій.
	КОЛѢНО XIV:	
71.	Василій Даниловичъ	57.
72.	Акимъ Даниловичъ	57.
73.	Иванъ Тихоновичъ	63.
74.	Тимофей Тихоновичъ	63.
75.	Василій Тихоновичъ	63.
76.	Алексѣй Кириаковичъ	65.
77.	Михей Андреевичъ	66.
78.	Петръ Андреевичъ	66.
79.	Ѳедоръ Андреевичъ	66.
80.	Никифоръ Софроніевичъ	68.
81.	Прокофій Васильевичъ	69.
82.	Филатъ Васильевичъ	69.
83.	Назарій Степановичъ	70.
84.	Иванъ Степановичъ	70.
85.	Григорій Степановичъ	70
	КОЛѢНО XV:	
86.	Богданъ Васильевичъ	71.
87.	Иванъ Васильевичъ	71.
88.	Лука Васильевичъ	71.
89.	Тимофей Васильевичъ	71.
90.	Дмитрій Васильевичъ	71.
91.	Петръ Васильевичъ	71.
92.	Михайло Акимовичъ Самаринъ, сенаторъ	72.
93.	Алексѣй Ивановичъ	73.
94.	Кузма Ивановичъ	73.
95.	Иванъ Михѣевичъ	77
	КОЛѢНО XVI:	
96.	Алексѣй Ивановичъ	87.
97.	Тимофей Лукичъ	88.
98.	Яковъ Тимофѣевичъ	89.
99.	Матвѣй Тимофѣевичъ	89.
100.	Иванъ Тимофѣевичъ	89.
101.	Григорій Тимофѣевичъ	89.
102.	Никита Тимофѣевичъ	89.
	Евдокія Михайловна, р. 1713 † 1774; 1) за княземъ Волконскимъ; 2) за дѣйств. тайн. сов. княземъ Иваномъ Васильевичемъ Одоевскимъ	92.
103.	Ѳедоръ Алексѣевичъ	93.
104.	Захарій Алексѣевичъ	93.

№ № отцовскій.

КОЛѢНО XVII:

105. Андрей Никитичъ Самаринъ, сенаторъ † 1775 . . . 102.

106. Петръ Ѳедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ, дѣйств. тайн. сов. и юстицъ-коллегіи президентъ, жен. на графинѣ Анастасіѣ Петровнѣ Салтыковой, р. 26 нояб. 1731† 24 марта 1830. . . . . 103.

КОЛѢНО XVIII:

Елисавета Петровна, за оберъ-шенкомъ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ . . . . . 106.

Степанъ Родіоновичъ Квашнинъ-самара упоминается на свадьбѣ княжны Софіи Іоанновны, дочери Іоанна Великаго, съ княземъ Василіемъ Даниловичемъ Холмскимъ (13 февр. 1500). Изъ внуковъ его: *Василій Ивановичъ* былъ первымъ воеводою седьмаго ертаульнаго полка въ казанскомъ походѣ 1544 года; а *Михайло Ивановичъ* былъ осьмымъ воеводою втораго сторожеваго полка въ томъ же походѣ, и третьимъ воеводою большаго полка въ полоцкомъ походѣ 1551 года. *Василій Богдановичъ Квашнинъ-Самаринъ* (№ 37) былъ воеводою въ Кевролѣ и на Мезени съ 1666 по 1669 годъ. *Кириакъ Ивановичъ Квашнинъ-Самаринъ* былъ постельничимъ Царя Іоанна Алексѣевича. *Петръ Андреевичъ Квашнинъ-Самаринъ* (№ 78) былъ воеводою въ Ярославлѣ въ 1702 году. *Михайло Акимовичъ Самаринъ* былъ однимъ изъ первыхъ осьми сенаторовъ, назначенныхъ Петромъ Великимъ въ это званіе, при учрежденіи сената, въ февралѣ 1711 года. *Андрей Никитичъ Самаринъ* былъ, при Императрицѣ Елисаветѣ, губернаторомъ казанскимъ, а при Екатеринѣ Великой сенаторомъ. *Петръ Ѳедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ* былъ, при Екатеринѣ Великой, президентомъ юстицъ-коллегіи, а при Императорѣ Павлѣ дѣйств. тайн. сов. и сенаторомъ. *Александръ Ивановичъ Самаринъ* былъ генералъ-лейтенантомъ при Императорѣ Павлѣ. *Василій Николаевичъ Самаринъ* женатъ былъ на княжнѣ Мещерской (правнукѣ, по своей матери, боярина А. С. Матвѣева); сынъ его, дѣйств. стат. сов. *Ѳедоръ Васильевичъ* (р. 1784 † въ ноябрѣ 1853), человѣкъ замѣчательнаго ума и благороднѣйшихъ качествъ душевныхъ, женатъ былъ на Софіѣ Юрьевнѣ Нелединской-Мелецкой; у нихъ сыновья: 1) Юрій Ѳедоровичъ (р. 1819); 2) Михайло Ѳедоровичъ († 1848); 3) Владиміръ Ѳедоровичъ, 4) Николай Ѳедоровичъ; 5) Дмитрій Ѳедоровичъ; 6) Петръ Ѳедоровичъ, и дочь графиня Марія Ѳедоровна Соллогубъ, вдова графа Льва Александровича. *Василій Максимовичъ Самаринъ* нынѣ генералъ-лейтенантъ и сенаторъ.

Гербъ Квашниныхъ-Самариныхъ (Общій Рос. Гербовникъ, часть II,

И выясняется, что полное имя сенатора Самарина не Михайло Михайлович, а Михайло Акимович.

Его отец — Аким Данилович приходился родным братом Василию Даниловичу Самарину-Квашнину, а его сын Тимофей Васильевич — двоюродным братом сенатора, дети которого — Григорий, Иван, Никита, Яков и… Матвей приходились сенатору внучатыми племянниками. То есть Петр Матвеевич действительно мог быть крестником Петра Великого и иметь большие карьерные перспективы.

Как и двоюродный брат Квашнина — Андрей Никитич Самарин, который при императрице Елизавете Петровне стал губернатором, а при Екатерине II — сенатором.

Или как другой ближайший родственник из того же 17-го родового колена, что и Петр Матвеевич, — Петр Федорович Квашнин-Самарин (1731–1830), который стал при императрице Екатерине II президентом юстиц-коллегии, а при императоре Павле — действительным тайным советником и сенатором.

Подобная судьба ожидала и Петра Матвеевича. Но вмешался роковой случай…

Впрочем, как известно, ничего случайного не бывает. Случай — это всего лишь проявление неизвестной нам закономерности.

И вот, кажется, мы приближаемся к открытию этой закономерности. В XVII и XVIII коленах мы видим знакомые фамилии. Начнем по старшинству:

Петр Федорович Квашнин-Самарин, действительный тайный советник и президент Юстиц-коллегии (как некогда Фик) был женат на графине Анастасии Петровне Салтыковой, матерью которой была княжна Прасковья Юрьевна Трубецкая, из рода известных франкмасонов. А дочь Петра Федоровича вышла замуж за сына Ивана Григорьевича Чернышева, который с братом-фельдмаршалом были в числе самых первых, завербованных в Пруссии, русских масонов.

Поэтому и был переименован Петр Матвеевич Квашнин-Самарин в некоего Ивашкина, чтобы сбить с толку потомков, пытающихся понять события прошлого.

Рокотов Ф. С.
Портрет А. Ю. Квашниной-Самариной
Первая половина 1770-х
Холст, масло
59,5 х 47,2

Портрет Анны Юрьевны Квашниной-Самариной (около 1720–1781) вызывает особый интерес, так как изображенная непосредственно связана с родословной А. С. Пушкина. Квашнина-Самарина приходилась родной сестрой С. Ю. Пушкиной, прабабушке поэта по линии матери. Ее отцом был Ю. А. Ржевский, любимец Петра I, нижегородский вице-губернатор, действительный статский советник. Ее муж, Ф. П. Квашнин-Самарин, прокурор Вотчинной коллегии, с 1761 возглавлял Главный магистрат в Москве, в ведении которого находились и художники. Этот камерный портрет стоит несколько особняком среди других произведений Рокотова 1770-х. Облик пожилой дамы поражает благородством, аристократической сдержанностью и в то же время одухотворенностью. Ее фигура выделяется на светлом фоне темным силуэтом. Колорит портрета почти монохромен. Он строится на богато разработанных оттенках черного и серебристо-серых тонов.

Тропинин В. Ю. Ф. Самарин (известный славянофил)

Генерал-лейтенант Василий Максимович Самарин

СНОВИДОВ

И этот лейб-гвардеец, сержант созданного по повелению Анны Иоанновны лично ей преданного Измайловского полка, как и преображенец прапорщик Квашнин-Ивашкин, был хоть по молодости и не в чинах, но не из захудалого рода. Нам пока не удалось найти Кириака Сновидова (или Снавидова, как писалась эта фамилия в других случаях), но род этот хорошо известен.

Герб рода Снавидовых

В щите, разделенном диагонально к левому нижнему углу на два поля, красное и голубое, изображен ржаный сноп, пременяющий вид свой в красном поле в золото, а в голубом в серебро. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя павлиньими перьями. Намет на щите голубаго и краснаго, подложенный золотом.

Снавидовы обосновались на псковской земле. Петр Тимофеевич Снавидов получает в 1637 г. от царя Михаила Федоровича с. Ильино.

Богдан Степанович Сновидов в 1686 году именным указом был назначен воеводой в один из псковских пригородов, где потом проживали многочисленные родственники. Этот указ сохранился.

«Лета 7104 г. (1686 г.) августа в 5 день. По указу Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и Великой Государыни Благоверныя Царевны и Великая Княжны Софии Алексеевны, всея великия и малыя и белыя России Самодержцев — Богдану Петровичу Сновидову. Быти ему на их, Великих Государей, службе, на Красном — воеводою, на Иваново место — Кожевникова.

А приехав на Красное, принят город и городовые и острожные ключи, и по городу и по острогу наряд, и Великих Государей в казне зелье и свинец, и в Съезжей избе Великих Государей всякия указныя грамоты о всяких делех, и приходныя и расходный книги деньгам, и лесу и соли, и красногородским служилым и всяким жилецким людям списки, и всякия дела пересмотреть, переписать, и по книгам Великих Государей денежную казну перечесть, и в житницах хлеб перемерить, а соль перевесить, и по приходным и по расходным книгам в денежных доходех и в хлебных запасех, и в соли Ивана Кожевникова счесть с того числа, как он на Красное приехал. А служилых и всяких жилецких людей по спискам пересмотреть всех на лицо и велеть им быть на Красном всегда. И что по его осмотру на Красном, каких служилых и посацких (жилецких) людей, и хлебных запасов, и соли, и денег, и все ль те хлебные запасы и соль в целости, и впредь они прочны ль, и Богдану то все велеть написать в тетради имянно, и чего против приходу в расходе не будет на лицо, о том б

всем, и о своем проезде на Красное писать к Великим Государем, и о том всему роспись в тетрадех за своею рукою прислать к Москве с нарочным гонцом, в отписку и роспись велеть передать в Новгородском приказе царственныя болшыя печати и государственных великих посольских дел оберегателю, ближнему боярину и наместнику Новгородскому, Князю Василию Васильевичу Голицину с товарищи. А на Красном в Съезжей избе такову ж роспись в тетрадех оставить за своею рукою впредь для спору и росписаться с Иваром Кожевниковым во всем по противням, и его, Ивана, отпустить к Москве. А впредь ему, Богдану, о всяких делах писать во Псков к боярину и воеводе, ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому да к дьяку к Мине Гробову, потому, что в прошлом в 162 году сентября в 15 день, по указу блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея великия и малыя и белыя России Самодержца, и по памяти из Приказу княжества Смоленскаго, велено город Красный и с уездом и того городу жителей, солдат и помещиков, русских людей и иноземцев, и их крестьян, и всяких чинов службою и расправою, и поместными и всякими делами ведать ко Пскову потому, что преж сего Красное с уездом судом и расправою во всяких делах ведомо было ко Пскову ж и старыя писцовыя книги и всякия дела и ныне во Пскове, и солдатам мясные кормы, и на дворовое строение, и на всякие заводы давано изо Псковских доходов, и Великих Государей грамота о том во Псков послана.

И Богдану жить на Красном с великим береженьем — неоплошно, и про всякия литовския вести проведывати накрепко, и буде какая вести проведаетъ, и ему, Богдану, писать во Псков к Боярину и воеводе, ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодоновскому да к дьяку тотчас, с нарочным гонцом. А будет почает приходу воинских людей в Красногороцкой уезд, и уездным людем велеть итить

в осаду в город с женами и с детями, а по большим вестям, по воротам и по башням велетъ поставить наряд и зелье, и ядра раздать, и всякие пушечные запасы к наряду изготовить заранее, и пушкарей, и на город людей к наряду, и по воротам, и по башням, и по стенам служилых и всяких жилецких людей поставить, а однолично про приход воинских людей проведывать всякими мерами накрепко, чтоб воинские люди в Красногороцкий уезд, и к Красному безвестно не пришли и над городом какого дурна не учинили и уезду не разорили. И Великих Государей всяким делом промышлять по тамошнему, а посацких и уездных людей призывать и велеть им селиться, где кто похочет: в посаде и в уезде, и давать новоприхожим посацким людем земли под дворы против иных их братий, а для поселения обнадеживать льготою, и давать новоприхожим льготы на пять лет.

Да Богдану беречь того накрепко, чтоб на Красном на посаде и в слободах и в уезде разбою и татьбы, и смертнаго убойства, и корчмы, и зерни и бл… и ни у кого не было, и учинить о том на посаде и в уезде заказ крепкой. А которые люди учнуть приезжать и приходить на Красное из городов и из уездов, и те бы люди явились ему, Богдану, и записывались в Съезжей избе, а не явясь, и не записався, никто ни у кого на Красном не жил. А кто приезжих и прихожих людей для записки в Съезжей избе объявятся, и тех велеть записывать в книги, распрашивая подлинно сущь и прозвище; кто имянно и какие люди, и откуда, и к кому и для какого дела приехали или пришли, и знатцы на них на Красном есть ли, а буде есть, и про тех приезжих и прихожих людей знатцов распрашивать, и ставить их с очей на очи. А на которых прихожих и приезжих людей знатцов не будет и ему про тех людей сыскивать всякими сыски накрепко. И в воровстве и в лазутчестве, и в измене велеть их давать на крепкие поруки

с записки. А по которым порук не будет и по сыску чаять от них воровства или лазутчества, и по приликам кто доведется до пытки, и тех велеть в воровстве и в лазутчестве пытать, а что в распросе и с пытки учнут говорить и ему о том писать к Великим Государем к Москве и тех людей держать в тюрьме, до Государева указу для того, чтобы из городов для воровства никакие люди на Красное и в Красногороцкой уезд не приходили. А которые люди учнут на кого бить челом Великим Государям о суде, и Богдану тех людей по челобитным судить и сыски всякими сыскивать, и расправу меж ими чинить, до чего доведется, в правду, по Уложению безволокитно. А пошлину в их Великих Государей казну имать по прежнему их Великих Государей указу с рубля по гривне, да пересуду и праваго десятку по семи алтын по две деньги с суда, и те пошлинныя деньги записывать в книги и держать в казне до указу Великих Государей, на раздачу служилым людем, на жалованье.

Да и того беречь и заказ всяким людем учинить на посаде и в слободах: в летние дни всякие люди изб и мылен не топили и ввечеру поздно с огнем не сидели и не ходили. А для хлебнаго печенья и где есть варить, велеть поделать печи на огородех и на полых местех в земле, от хором дале, а к воде ближе, и от ветру велеть печи огородить, чтоб однолично от огня было береженье великое. А конечно, ему, Богдану, жить с великим береженьем неоплошно, и Великих Государей всяким делом промышлять по сему Великих Государей указу и по указным грамотам, смотря по тамошнему делу. И во всяких Великих Государей делах искать прибыли, и Красногороцким служилым, и посацким, и уездным и приезжим всяких чинов людем, для своей корысти, обид и иных никаких налог не делать, и Красногороцких служилых, и посацких, и уездных и всяких жилецких людей от проезжих и ото всяких людей оберегать,

чтоб им обид и продажь и иных никаких налог ни от кого не было. А проезжих торговых и всяких чинов людей на Красном для своей корысти без дела не держать, и на Красногороцких, и на проезжих на служилых, и на посацких, и на уездных и всяких чинов людей не наметываться; и убытков никаких никому не делать и посулов, и поминков ни у кого ни от каких дел не имать, и изделья никакого на себя делать не велеть, а Красногороцких солдат разобрать в статьи по службе, по чинам и по отечеству.

А что в Красногороцком уезде, каких пашенных земель и сенных покосов, и где обыщутся бортныя ухожья и всякая угодья, отдавать на оброк из наддачи, кто больше десть, и тем оброчным угодьям переписныя оброчныя книги, за своею рукою, прислать к Великим Государям к Москве, а другия таковыя же книги держать на Красном, в Съезжей избе, и по тем книгам оброчные денежные и хлебные и всякие доходы сбирать и держать в казне, до указу Великих Государей.

А судом и расправою на Красном служилых и посацких людей и в Красногороцком уезде крестьян и всяких чинов людей выдать ему, Богдану, против прежняго Великих Государей указу, как выдали прежние воеводы.

Да Богдану ж, будучи на Красном, учинить заказ крепкой и бирючем велеть кликать по многие дни, чтоб Красногороцкие солдаты и всяких чинов жилецкие люди в домах у себя корчм и бл… и, и мужиков ведунов, и баб ведуней, и боярских беглых людей, и крестьян не принимали, и пива и меду безъявочно не держали; и вином и табаком не торговали, и по дорогам людей не побивали и не грабили, и татем и разбойникам приезду и станов у них отнюдь не было, и никаким воровством не воровали. А будет Красногороцкие жители учнут каким воровством промышлять и ему, Богдану, про то их воровство сыскивать всякими сыски накрепко, и по сыску указ чинить

по указам Великихъ Государей и по Соборному уложению. А будет ему, Богдану, по которым делам указу чинить будет не мочно, и о том писать во Псков, к боярину и воеводе ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодоновскому и к дьяку.

И будучи ему, Богдану, на Красном во всем Великим Государем служить и радеть, и прибыли искать с великим усердством, и за прямую он службу и раденье от Великих Государей взыскан будет и пожалован милостиво.

А буде он, Богдан, будучи на Красном, Великим Государем во всяких делах радеть и прибыли искать и вестей проведывать не учнет, или учнет Великих Государей денежною казною и хлебными запасами и солью корыстоваться, и меж Красногороцких жителей расправы чинить не станет, или им учнет какия обиды и налоги чинить, или заставливать на себя пашню пахать и всякую работу и мастерство делать, или чем к ним для своей бездельной корысти приметываться, и от того себе посулы и поминки с них имать учнет, и в том на него будет Великим Государем челобитье, и за то ему, Богдану, от Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великие Государыни благоверныя Царевны и Великия княжны Софии Алексеевны всея великия и малыя и белыя России, Самодержцев быть в опале и в наказаньи безпощады».

В 1711 году в переписной книге псковских пригородов (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8510) находим: «<Старицкой губы>

За Кирилою Богдановым сыном Снавидовым а сельцо что была пустошь Ивановское Покровского попа Григорья Меленка тож на реке Изгодице в нем живет помещик Кирила Снавидов 44 лет жена ево Авдотья Матвеева дочь 21 лет у него 2 сына Федот 17 Сидор 15 лет дочь Агафья 9 лет <…> да в том же сельце Меленки написан по переписной книге 186-го году двор задворного человека <…> за

Романом Бедринским и в прошлом 700-м году ис того двора те задворные люди переведены в Воскресенскую губу в новопоселенную деревню Кренево Красихино тож <…>

За Онтоном Богдановым сыном Снавидовым по переписной книге 186-го году написано за Богданом Петровым сыном Снавидовым в розных губах 6 дворов крестьянских по розделу с братом ево Кирилою Снавидовым сельцо Ильино в нем живет он Антон з женою и з детьми а служит в выборных ротах а жена ево Иринья Июдина 31 лет у них дочь Анна 4 лет мать ево Домна Моисеева 76 лет» *(Лл. 367 об. — 369 об.)*.

Иван Тарасович Снавидов, правнук воеводы, родился в 1770 г., служил сержантом в лейб-гвардии Преображенском полку, а затем майором в Архангелогородском полку. Выйдя в отставку, он продолжал служить заседателем в Псковском дворянском суде, в Опочецком уездном суде судьею, а с 1808 по 1810 годы был предводителем Опочецкого уездного дворянства. В Опочецком уезде ему принадлежали: с. Покровское, с. Климешино, деревни: Заноги, Варыгино, Денисово, Теребицыно, Манухново, Трефаньково, Ястребово, Вашкова, Каленидова, Бабкина, Красихино, Березница, Паршино, Виры, Горы, Диремова, Лышникова, Губанова, Лутугена. А его жене, Прасковье Осиповне, урожденной Ушаковой, деревни: Уткина, Напорткова, Б. и М. Кузмина, Бечерова, Кастеникова, Мижешево, Максимцева, Савина, Ранцова, Агафонова, Быкова, Шаршакова.

У И. Т. Снавидова и его жены были дети: Яков, Николай, Екатерина. Екатерина Ивановна Снавидова, 1811 года рождения, вышла замуж за великолукского и опочецкого помещика Петра Александровича Кастюрина. Земли в Великолукском уезде были пожалованы прапрадеду Петра Александровича — Кондратию Кондратьевичу Кастюрину в 1686 г. П. А. Кастюрин родился в 1791 г. В службу вступил юнкером 20 января 1811 г. в 47-й Егерский полк. В марте

1812 г. был переведен в лейб-гвардии Московский полк. За отличие в сражении при Бородине произведен в подпоручики. Во время войны с Наполеоном участвовал в сражениях при Бородине, Смоленске, в авангарде при Тарутине, М. Ярославце, Красном. В заграничном походе в сражениях при Люцине, Бауцене, в авангарде при Дрездене, Кульме, Лейпциге, под Парижем. Обратно из Парижа добирался через Берлин и Любек на российских кораблях до Кронштадта. В 1819 г. был переведен в 1-й карабинерный полк майором. 3 января 1820 г. вышел в отставку с чином подполковника.

У П. А. Кастюрина и его жены было много детей: Иосиф (Осип), Павел, Иван, Владимир, Василий, Яков, Мария, Любовь, Петр и Дарья. Причем часть детей была крещена в Преображенской церк-ви Влицкого погоста, и П. А. Кастюрин значится как великолукский помещик с. Петровского. Павел, Петр и Дарья были крещены в с. Матюшкино, и их отец пишется уже опочецким помещиком.

Видимо к 1840-м годам П. О. Снавидова передает земли, частично проданные, а частично доставшиеся ей после смерти тетки Д. И. Голенищевой-Кутузовой, своей дочери и зятю. Е. И. Кастюрина умерла в 1856 г., ненамного пережив свою мать, умершую двумя годами раньше. Похоронена Е. И. Кастюрина в с. Матюшкино. Правда, надгробная плита на ее могиле грешит неточностью. Екатерина Ивановна — родная внучка А. И. Ушаковой, урожденной Голенищевой-Кутузовой, и внучатая племянница фельдмаршала.

Потомки Кастюриных продолжают владеть с. Матюшкино и дальше. В 1871 г. Яков Петрович Кастюрин на свои средства ремонтирует и обновляет иконостас Никольской церкви.

Кроме Прасковьи Осиповны земли в Опочецком уезде по семейному разделу после смерти О. П. Ушакова достались его сыновьям — Александру и Лариону.

Александру принадлежали с. Кадниково, деревни: Тиханово, Молоково, Глазово, Татаркино, Дианисова, его брату Ларион — с. Стрелицы, деревни: Андроново, Ильмова Гора, Коровкино, Порядино, Мельницы.

Интересна следующая подробность из семейного раздела владений: «…как вышеозначенное сельцо Стрелицы с прилегающими к нему деревнями состоит в одном округе с сельцом Кадниково, доставшемся брату Александру, то одному сельцу Стрелицам навсегда свое местоположение иметь по одну только сторону р. Великой, не распространяя впредь владения на другую, кроме состоящего при сельце Кадникове озера Калеща, в коем ему Лариону и потом-кам его иметь рыбную ловлю…».

Ларион Осипович Ушаков вступил в службу 1 мая 1796 г. в гвардию подпрапорщиком, затем прапорщиком. 1 мая 1799 г. был переведен поручиком в Фаногорийский гренадерский полк. В 1802 г. стал штабс-капитаном. Ушел в отставку 9 января 1805 г. с чином капитана. В 1817–1819 годах был предводителем Опочецкого уездного дворянства. Женат он был на великолукской помещице Александре Петровне Арбузовой, у них дети: Петр, Александр, Николай, Анна, Дарья.

Любопытны следующие факты, относящиеся к Ушаковым. Среди помещиков, свидетельствовавших дворянское происхождение Л. О. Ушакова, были Орест Кастюрин, брат Петра Александровича и Петр Мусоргский, отец композитора. А восприемником при крещении внука Лариона Осиповича — Сергея Николаевича Ушакова в 1856 г. был государь император Александр Николаевич.

Потомки Ушаковых и по сей день живут в Петербурге. Также как в Петербурге, Москве, Канаде и др. местах живут потомки дочерей М. И. Голенищева-Кутузова. Среди них Толстые, Тучковы-Опочинины, Хорваты (потомки Е. М. Кудашевой). Многие из них являются непременными

участниками юбилейных торжеств, конференций, мероприятий, посвященных прославленному их предку.

«Кутузовых почтет потомство,
И им с признательной душой
Всегда отдаст то превосходство
Какое им стяжал герой!».

На псковской земле Сновидовы жили вплоть до Октябрьской революции. Остались упоминания о них и в таких вот документах: «…такие Опочецкие городские деятели, как Кукольки и Селюгин, заботились, видимо, более о благе общественному о принесении посильной пользы родному городу, чем о благе собственному личном. Но были и такие, которые более помышляли о своей пользе, иллюстрацией чего может служить несложная, но поучительная история о покупке городом от г. Сновидова имения Клемешино, расположеннаго у самаго города по ту сторону реки Великой. Вот как рассказывает об этом очевидец и современник событий, Петр Степанович Лобков:

«1840 г. июля … получена городской магистрат от военнаго советника Ивана Терентьевича Снавидова объявление, в коем просит объявить обществу, что он желает продать пустошь Клемешино, лежащую у самого города Опочки и объявил цену в десять тысяч рублей, общество согласно купить пустошь Клемешино с великой охотой, но есть пословица: “не насытится око зрением, а ум богатствам”, богач Яков Порозов, 2-й гильдии купец и почетный гражданин научил и настроил четырех человек: двух 3-й гильдии купцов и двух мещан, которые на бывшем собрании июля… дня начали против общества спорить и отклонять от покупки пустоши, но хотя они о себе и много думали и думают, но самые бедные мещане их доводы и споры без всякаго к ним

уважения опровергли и заставили молчать. Видя Порозов, что его подпора согнулась, начал сам говорить, коснулся до денег, кто поручится за общество в платеже, на что ему сказал купец Петр Екимович Кудрявцев: "я ручаюсь за общество"; все собрание было сим обрадовано и ободрено, самый бедный сапожник говорил против Порозова, и Порозов остался во стыде; дело кончено; все стали согласны купить Клемешино, занять в приказе общественнаго призрения денег, но хитрость и злоба к бедным жителям города Опочки, алчность к богатству, вырвать кусок хлеба изо рту беднаго гражданина, вздумали кто-то из граждан просить у купца, живущаго в 31-й версте от города, в селе Велье, Ивана Ивановича Крестовскаго денег.

Собрание кончилось, послали за Крестовским, августа 5-го дня общество собралось, и купец Крестовский явился, общество спросило с Крестовскаго денег 9 тысяч рублей. Крестовский согласился дать на пять лет без процентов, без поруки, за что в награду Крестовскому написали приговор — не избирать его и семейство в службу.

Но как хитрость злоумышленников превозмогла, в приговоре не написали, что Крестовский живет на собственной своей земле в 31-й версте, от роду ему более 60 лет, служил обществу в разных выборах 15 лет, сын у него один, который служил одно трехлетие ратманом в 1835, и 36 и 37 году, и в своде законов увольняется от службы, но все это было пропущено, послан приговор к г. губернатору, прошло 3 недели, нет ничего, но что ж Яков Минич Порозов? Купил Клемешино и вырвал сильной своею рукой изо рту кусок хлеба в бедных гражданах».

Но уж так случилось, что в дальнейшей российской истории, фамилия Сновидовых оказалась в тени более известных родственников из других фамилий, например, Голенищевых-Кутузовых и Бартеневых: «Родовые перекрестки Бартеневых настолько занимательны и неожиданны, что похожи

на увлекательный роман, где есть место всем человеческим переживаниям и чувствам.

По мужской линии Игорь Александрович Бартенев доводился прапраправнучатым племянником прославленному полководцу Светлейшему Князю Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому.

О роде Голенищевых-Кутузовых существует обширная литература, освещающая в первую очередь личность и деяния генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова. Но в рассказе о родственных связях семьи Бартеневых и Кутузовых Михаил Илларионович предстает не только Спасителем Отечества, но и любящим братом, заботливым отцом и человеком, заменившим своим многочисленным племянникам рано умершего отца.

Род Бартеневых на протяжении XVIII–XX вв. пересекся со многими известными дворянскими родами и имеет раскидистое родословное дерево, ветвями которых являются такие роды, как Бедринские, Бибиковы, Коновницыны, Митусовы, Нащокины, Опочинины, Полянские, Рерихи, Снавидовы, Тизенгаузены, Толстые, Ушаковы, Фикельмон, Хитрово, Яхонтовы…».

Уточним: у сестры фельдмаршала, Анны Илларионовны и Осипа Петровича Ушакова было восемь человек детей, шестеро сыновей и две дочери. Так вот Прасковья, 1768 года рождения, была замужем за псковским помещиком Иваном Тарасовичем Снавидовым.

У Ивана Тарасовича и Прасковьи Осиповны было трое детей: два сына — Яков и Николай и дочь Екатерина, вышедшая замуж за Петра Александровича Кастюрина.

А вот и подробности:

Петр Александрович Кастюрин родился в 1791 году, был участником Бородинского сражения, вместе с русскими войсками дошел до Парижа. В 1820 году вышел в отставку в чине подполковника и поселился вместе с семьей

в своем псковском имении Матюшкино, которое досталось ему в качестве приданого за женой, после смерти младшей сестры полководца Дарьи Илларионовны. Рядом с деревней Матюшкино есть деревня Бородино. По преданию, название деревне Бородино Дарья Илларионовна дала в честь исторической битвы, в которой принимал участие ее знаменитый брат. Но это лишь красивая легенда. Название села Бородино встречается еще в 1710 году в «Переписной книге Псковского уезда» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8506).

У Петра Александровича и Екатерины Ивановны было десять человек детей, и все они так или иначе связаны со Псковщиной. Екатерина Ивановна Кастюрина, внучатая племянница фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, умерла в 1856 году и была похоронена на фамильном кладбище близ Никольской церкви. Ее сын Яков Петрович в 1871 году на свои собственные средства обновил иконостас этого храма.

…Известен еще один из представителей рода Кастюриных — писатель Лев Васильевич Успенский. Он родился 27 января по старому стилю 1900 года в Петербурге в семье инженера-геодезиста. Детство провел в имении Щукино, которое принадлежало его деду Алексею Измайловичу Кастюрину. Мать Льва Успенского, Наталия Алексеевна Кастюрина, отец Василий Васильевич, происходил из разночинной семьи. Дед по линии Успенских был провинциальным банковским бухгалтером.

Успенский участвовал в работе над древнерусским словарем. После книги «Кот в самолете» были написаны две книги по древнегреческой мифологии: «12 подвигов Геракла» и «Золотое руно». Потом обе эти книги вышли под названием «Мифы Древней Греции». В 1939 году Успенский вступил в члены Союза Писателей СССР. В том же году вышел в свет его роман «Пулковский меридиан». С годами Лев Васильевич стал не только крупнейшим ученым-лингвистом, но человеком, обладающим широким кругозором, глубокими

знаниями во многих сферах человеческой деятельности. Он был знатоком археологии и истории Петербурга, географом и землемером, ботаником и фотографом, знатоком античности и поэтом, писателем и переводчиком. Лев Васильевич — участник Великой Отечественной войны.

За мужество при работе военным корреспондентом он был награжден орденом Красной Звезды. После войны много и плодотворно работал. Умер Лев Васильевич Успенский в 1978 году.

Род Ушаковых и Снавидовых за один век дважды породнился. Впервые, когда Прасковья Осиповна Ушакова вышла замуж за Ивана Тарасьевича Снавидова, во второй раз — когда ее внучка Анна была повенчана еще с одним членом большой семьи Снавидовых — Николаем Васильевичем. Внучка Анны и Николая Снавидовых — Юлия Георгиевна Гущина была замужем за Николаем Павловичем Полянским. О том, что Юлия Георгиевна имела родственные связи с родом Голенищевых-Кутузовых, свидетельствует архивная справка, выданная ей Псковским Дворянским собранием и хранящаяся в семье ее потомков в Петербурге.

Николай Павлович Полянский родился в Пскове в 1852 году в семье титулярного советника Павла Ефимовича Полянского, представителя старинного дворянского рода. Мать Евгения Александровна Полянская (урожденная Кинареева) была также из дворян.

Николай Павлович Полянский (1852–1921), действительный статский советник, чиновник по особым поручениям V класса Министерства финансов, первый управляющий Нижегородской Конторой государственного банка. Особо значимым и важным результатом деятельности Н. П. Полянского была постройка нового здания для отделения государственного банка в Нижнем Новгороде. Величественное здание банка в Нижнем Новгороде, спроектированное в древнерусском стиле известным

архитектором В. А. Покровским, было возведено под непосредственным руководством Н. П. Полянского очень быстро — всего за два года.

Следует отметить, что средства на проектирование и строительство здания были заработаны самим нижегородским отделением государственного банка, и из казны не было использовано ни копейки.

Как писал в шутку Н. П. Полянский, «*…этот дом был моим подарком Государственному Банку*».

Торжественное открытие нового здания, приуроченное к празднованию трехсотлетия царствования дома Романовых, состоялось в мае 1913 года в присутствии императора Николая II и членов его семьи.

Несмотря на то, что Николаю Павловичу и Юлии Георгиевне приходилось часто переезжать из города в город по служебной необходимости, своего родового имения Ильино Псковской губернии они не забывали. Вот как описывает Николай Павлович свой приезд в Ильино: «*Отказавшись от Москвы, мы с женой Юлией Георгиевной (урожденной Гущиной) и сыном Алексеем поехали отдохнуть в имение жены Ильино в Опочецком уезде Псковской губернии. Давно мы обирались это сделать, но все как-то не удавалось. <…> Раскопал в старом сарайчике старинную барскую мебель, — и дело устроилось. Ездил заранее в Ильино, чтобы купить и привезти из Опочки хорошие железные кровати с пружинными тюфяками и волосяными наматрасниками, умывальник, самовар, посуду. Медную кухонную посуду нашел в том же сарае в Ильине. Осталось только отремонтировать и отдать полудить. Все это сделал — нанял на целый год столяра для ремонта и обивки мебели — и дело, что называется, вышло одна прелесть. Многие вещи из старой мебели из красного дерева и карельской березы вышли чудо, как хороши.*

<…> В шкапах и комодах <…> я нашел в желтых и из красного дерева с черными углами рамках редкие гравюры. Нашел родственные портреты, писанные масляными красками, и несколько попорченных сыростью картин.

Разумеется, все это сейчас же было развешено по стенам в порядке назначения комнат.

Флигелек из четырех комнат вышел прямо-таки игрушка. С виду неказист, потолки низенькие, но как войдешь в домик, так сразу же невольно перенесешься в обстановку помещичьей жизни сороковых годов и проникаешься к своим предкам чувством глубокого уважения.

Во всем проглядывал у них верный и строго определенный размер жизни. Видно, что люди не только жили, а умели жить и во всем понимали толк. Между одними и другими поколениями проглядывала родственная общность и кровная связь».

Октябрь 17-го разрушил до основания «родственную общность и кровные связи».

Н. П. Полянский, прослуживший в банковской системе 50 лет и внедривший многие новые методы ведения и управления банковским делом, после революции, которую он не принял, был уволен. В 1918 году скончалась его верная и преданная спутница жизни, Юлия Георгиевна. Двое его сыновей Уар и Алексей эмигрировали за границу, где и скончались, сыновья Павел и Иван в начале 30-х годов были репрессированы и погибли в ГУЛАГе, дочь Н. П. Полянского — Евгения долгое время жила в Нижнем Новгороде; ныне в Петербурге живет правнук Н. П. Полянского — Николай Владимирович, благодаря которому увидели свет «Воспоминания», его прадеда.

Н. П. Полянский умер в полном одиночестве в деревне Лукино Нижегородской губернии. Крестовоздвиженский монастырь, у стен которого находилось кладбище, где был

похоронен Николай Павлович, в советское время был разрушен, а кладбище уничтожено. Нет числа затерянным и стертым с лица земли могилам в XX веке, развеяли по ветру «любовь к родному пепелищу, // любовь к Отеческим гробам…».

Не менее интересны родственные связи по линии другой сестры, Анны Осиповны Ушаковой, 1775 года рождения. Как и ее сестра, Прасковья, Анна Осиповна нашла себе мужа на Псковской земле. Ее избранником был Александр Яхонтов, владевший имением Камно неподалеку от Пскова. После оно перешло во владение их сына, Николая Александровича Яхонтова. Во время Отечественной войны 1812 года он был секретарем и переводчиком при фельдмаршале М. И. Голенищеве-Кутузове, который доводился ему двоюродным дедом.

Сын Николая Александровича — Александр окончил Царскосельский Лицей в 1838 году. Александр Николаевич, как и все выпускники Лицея, почитал служение обществу священным долгом: будь то дела псковского земства или литературный труд. Первые пробы пера А. Н. Яхонтова относятся к периоду пребывания в Лицее, где все еще витал поэтический Гений А. С. Пушкина. В семье Яхонтовых сохранилось воспоминание о посещении их имения Александром Сергеевичем. Саше Яхонтову в то время было всего 6 лет, но приезд к ним Пушкина он запомнил на всю жизнь, и осененный встречей с поэтом, другого жизненного пути, кроме как служение поэзии, он уже себе не представлял. Внучка Александра Николаевича, А. Н. Высоцкая-Яхонтова передает семейное предание: *«…Пушкин долго гулял с Н. А. Яхонтовым в саду по той самой аллее, дорожка которой сохраняется и по сей день. Потом они сидели и беседовали в беседке. К ним подбежал маленький Саша… Пушкин подхватил его на руки и шутливо спросил, кем он*

хочет быть. Саша ответил "поэтом". И еще он прочитал удивленному поэту его, пушкинское стихотворение».

По свидетельству историка Н. Ф. Окулича-Казарина, великий поэт отдыхал «под старой липой» — и эта липа, и весь парк погибли в годы Великой Отечественной войны.

Литературными критиками высоко оценивались заслуги Яхонтова-переводчика, такие произведения, как драма И. В. Гете «Торквато Тассо», «Ифигения в Тавриде», переводы трагедий Г. Э. Лессинга «Эмиля Галотти», а также ряда стихотворений Ф. Шиллера, Г. Гейне, А. Мицкевича.

Недалеко от Пскова, в Камно, на погосте, около старинной Георгиевской церкви, лежат несколько тяжелых могильных плит. Под ними покоятся останки членов семьи Яхонтовых. На одной из них высечены имя Александра Николаевича Яхонтова и даты его жизни: 1820–1890.

Неведомыми нитями судьбы оказались связаны потомки Александра Николаевича Яхонтова и потомки Александра Сергеевича Пушкина в прошлом XX веке.

После революции тысячи славных русских родов оказалось вынужденными изгнанниками. И среди них потомки А. Н. Яхонтова и А. С. Пушкина.

Внук Александра Николаевича Яхонтова в 1918 году покинул Россию, попал в Сербию, где женился, а в 1925 году у них в Белграде родился сын, названный по семейной традиции Александром. Александр окончил в Белграде архитектурный факультет университета, работал в Югославии, затем переселился в Париж. В 1968 году он вместе с семьей эмигрировал в США, где вот уже 40 лет живет в небольшом городке на юге Калифорнии в Лонг-Бич. Человек он неутомимый и деятельный. Он является Президентом Общества Русско-сербской дружбы, Президентом городов побратимов Сочи–Лонг Бич. Он горячо ратовал и поддерживал проведение зимней Олимпиады в Сочи-2014, как и его сыновья, Андрей и Николай,

побывавшие в этом городе еще до решения Олимпийского комитета.

Но главное жизненное кредо Александра Яхонтова — это сохранение родного языка на далеком континенте. Вместе с профессором русского языка университета Лос-Анджелеса Харольдом Шефски, Александр Александрович Яхонтов явился инициатором и организатором проведения Пушкинских фестивалей в Лонг-Бич, в программу которых входят спектакли, выставки, фильмы, литературные вечера. Любовь к поэзии Пушкина у А. А. Яхонтова не случайна. Для него Пушкин и Отечество — это синонимы, ведь для миллионов русских эмигрантов имя Пушкина стало символом духовного единения нации. На его произведениях, сказках, поэмах, прозе учился он русскому языку, а, следовательно, и всей русской культуре. К тому же причудливые родовые сплетения породнили Яхонтовых с родом Пушкиных. Дед А. А. Яхонтова был близким другом внука А. С. Пушкина — Николая Александровича. Они вместе учились на юридическом факультете Московского Лицея. Благодаря этой дружбе Николай Пушкин познакомился с Надеждой Петунниковой, сестрой жены деда Александра Александровича Яхонтова. Встреча Николая Пушкина и Надежды Петунниковой закончилась свадьбой, в результате которой род Яхонтовых-Петунниковых породнился с родом А. С. Пушкина. Живущий ныне в Брюсселе праправнук Александра Сергеевича Пушкина — Александр Александрович доводится троюродным братом живущему в Лонг-Бич А. А. Яхонтову. И хоть их разделяет океан и тысячи миль, для них — это не преграда, когда речь идет о памяти великого поэта Земли Русской, нашедшего свое успокоение на древней псковской земле. Земле, породнившей и соединившей в единое родовое кольцо Голенищевых-Кутузовых-Ушаковых-Снавидовых-Полянских-Яхонтовых-Бартеневых.

Но вернемся к нашим заговорщикам. Историк Сергей Соловьев посвятил этому заговору всего один абзац в своем объемном труде:

«Но в то время, когда заботились о безопасности жителей Москвы, вдруг разнесся слух, что императрица небезопасна во дворце своем. Слух подтвердился, когда 15 июля, в день освящения церкви в московской академии, ректор Кирилл Флоринский в проповеди своей сделал выходку против внутренних врагов Елисаветы. Проповедь была на текст: "Не творите дому Отца моего дому купленного"; оратор представил Россию в виде храма, созданного Петром Великим, по смерти которого в этом храме некоторые завели торговлю. Торговля не прекратилась и по восшествии на престол дочери Петра: "Как же ужасно и подумать, — говорил оратор, — яко осмимесячию не претекшу, егда провозсия на престоле отчи венценосица Елисавет, и уже на ино торжники прелагаются. Странная весть: давно ли вожделенная — и уже ненавидима Елисавет; давно ли в сердцах и в устнех сладка — и уже горька Елисавет; давно ли оживотворившая нас, уже опасна жизнь ей посреде дому; давно ли обрадовавшая нас — и уже в слезах опечаляема посреде дому; давно ли матерь (и еще всемилостивейшая, яко и истинно есть) — и уже тяжка и немилосердна. О непостоянство злоковарных торжников!.. Но ащи тыи, злобою воспящаеми, о благостыне ее величества немотствуют, то поне вы, прежде расточеннии и заточеннии, ныне же всегда бедствующим сострадущие, матере Елисаветы милостию возвращеннии и уже мнози собраннии от Сибири, Иркута, Камчадала, от многих трудно и именуемых стран и от подземленных недр мертвецы прежде живые: поне вы со мною признайте, что не иной ради причины лукавым торжником государства Елисавет ненавидима, горька, тяжестна кажется и не матерь, яко и благая отеческая расточенная собирая, узаконенное отцом возобновляя и вас, бедствовавших, возвращая, —

словом, вся отеческая в первобытное состояние приводя, не попущает долее злодеям, да дом отеческ и ее величества наследный соделывают домом купли и вертепом разбойническим… Что же, ваше императорское величество, долго терпите, и на торжницех государства, сие есть чудное премудрые экономии вашего величества дело, по разуму притчи Христом реченные: оставите купно обоя расти до жатвы, да не како восторгая плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу".

Дело состояло в следующем: камер-лакей Александр Турчанинов, Преображенского полка прапорщик Петр Ивашкин, Измайловского полка сержант Иван Сновидов составляли заговор с целью захватить и умертвить Елисавету и племянника ее, герцога Голштинского, и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича; они говорили, что Елисавета и сестра ее Анна прижиты вне брака и потому незаконные дочери Петра Великого. Дело тянулось до декабря, когда виновных высекли кнутом и сослали в Сибирь, у Турчанинова вырезавши язык и ноздри, а у двоих товарищей его только ноздри».

ТУРЧАНИНОВ

Нам пока неизвестно, какого роду-племени был наш герой — Александр Дмитриевич Турчанинов, камер-лакей Анны Леопольдовны, матери императора Иоанна IV Антоновича, всероссийский престол которому завещала Анна Иоанновна.

Впрочем, отчество нам может ни о чем не говорить. Вот пример: во время походов Миниха и Ласси маленький турчонок был взят русскими в плен и привезен в Петербург к Анне Иоанновне, которая его крестила. «…между другими пленниками иного знатного чиновника не было, кроме Осман-бея, сына погибшего паши герцеговинского. Сей, имея от роду не больше 13 лет, командовал уже 3000 человек босняков. Приятный его вид и веселый нрав побудили отца моего взять его к себе, по возвращении своем в Санкт-Петербург представить императрице, которая по перекрещении в христианский закон возвысила его в дворянское достоинство с проименованием воина и, пожаловав ему земли, определила пажом ко двору» (Записки графа Эрнста Миниха).

Елисавета Петровна отдала этого Турчанинова в услужение наследнику своему, и он сделался «Кутайсовым» при Петре III (в свое время турчонок Кутайсов при Петре I стал крупным государственным деятелем).

22 января 1762 года А. А. Турчанинов был возведён в дворянское достоинство. Господин и государь его не имел времени пожаловать его графом или светлейшим князем, и в день кончины его он назывался только Александром Александровичем Турчаниновым, камердинером полковничьего ранга.

При Екатерине он скрывался, потом на сбереженные деньги купил именьице в Орловской губернии, женился на соседке, девице Сибилевой, также с некоторым достатком.

«Воцарение Павла пробудило давно заснувшие надежды малого числа приверженцев Петра III; в числе их предстал

и г. Турчанинов пред новым императором, который приказал производить ему все содержание, кое получал он при отце его, а сверх того выдать ему оное за все время царствования Екатерины с наросшими процентами и рекамбиями. Составился значительный капитал: дом в Москве, у Пречистенских ворот, дом в Орле, именье в Орловской губернии, селение Степанцы Киевской губернии.

Родные Турчанинова в Лихвине, Калуге, Белеве и Волхове. Кстати, дочь Александра Александровича Турчанинова произвела своим «магнетизмом» неизгладимое впечатление на Александра Сергеевича Пушкина.

Турчанинова Анна Александровна (1774–1848) — поэтесса, печатала стихи в «Приятном и полезном препровождении времени» за 1798 г. и в «Чтениях в Беседе любителей русского слова». Отдельно вышли: «Отрывки из сочинений» (стихи, СПб., 1803); «Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания природы непосредственно проистекающие», перевод с латинского, стихами (СПб., 1803); «Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaninoff» (Пар., 1817). Известность получила в петербургских великосветских кругах как «целительница-магнетизерка». Пушкина интересовало явление «магнетизма» (гипноза); он упоминал о Т. в разговоре с А. А. Фукс. По словам мемуариста, у М. А. Салтыкова Пушкин «много говорил о Турчаниновой, которая тогда удивляла всех своим глазным магнетизмом; он сказывал, что она готовит о том сочинение, но, кажется, оно не являлось в свет» (сент. — окт. 1829) (2). Можно предположить личное знакомство Пушкина с Т. (1. Звенья, V, с. 101–103; 2. Цявловский. Книга, с. 295; 3. Вигель, I, с. 65–69; 4. Голицын, с. 252).

Вполне возможно, что и биография Александра Дмитриевича Турчанинова повторяет биографию Александра Александровича — пленный турчонок, по воле случая оказавшийся при царском престоле, крещен, произведен в камер-лакеи…

Только Александр Александрович и в дальнейшем был обласкан судьбой, несмотря на его опасную близость к таким историческим фигурам, как императоры Петр III и Павел I, принявшие мученическую смерть от цареубийц.

Судьба Александра Дмитриевича была в чем-то схожей — законный император Всероссийский Иван Антонович, которому он служил при Дворе, был свергнут незаконнорожденной дочерью Петра I, которую глава Верховного Тайного Совета князь Голицын, решая судьбу русского престола после неожиданной смерти юного императора Петра II, отклонил как «выблядка» — незаконную по своему рождению дочь императора, рожденную вне брака и потому не имеющую никаких прав на царский престол.

Но если Александру Александровичу Турчанинову в то лихое время, которое последовало за гибелью партий Петра III и Павла I, удалось затаиться, спрятаться, исчезнуть с глаз пришедших к власти императриц, то Александру Дмитриевичу выпал совсем другой жребий — он проговорился вслух о том, что думали в то время практически все, за исключением разве что сторонников Елизаветы Петровны, верноподданные люди России.

...Ивашкина сослали в Якутск. Сновидова — в Нижнекамчатск. Турчанинова — в Большерецкий острог.

Двадцать лет Ивашкин-Квашнин провел в Якутске и за некую невероятную жестокость, о которой упоминает А. Сгибнев, по отношению к инородцам его снова сослали — теперь уже на дальнюю Камчатку.

Здесь они и встретились вновь.

Но только один из них — Турчанинов примкнул к новому — Большерецкому — заговору и бежал с Камчатки, чтобы умереть вольным человеком. Сновидов не был прощен, но он обзавелся здесь семьей, и его потомки живут на Камчатке по сей день. Ивашкину-Квашнину дали свободу, когда она ему была уже не нужна...

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ 3

ИВАШКИН ЛИБО КВАШНИН 9

СНОВИДОВ..... 62

ТУРЧАНИНОВ 84

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть II

КРЕСТНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ООО « Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
Телефон: (812) 900-21-45
Сайт: isvoe.ru
Почта: editor@isvoe.ru
Заказ № 1915-2
Подписан в печать 01.09.2017
Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии
ООО «Свое издательство»